

The illustration depicts a man and a woman in a dramatic, fiery setting. The man, on the left, has dark hair, a beard, and intense blue eyes. He wears a dark, ornate coat with a high collar and a red lining. The woman, on the right, has long, flowing red hair and striking green eyes. She is dressed in a yellow and red corset-style dress with lace-up details and a white lace collar. She wears a necklace with a purple gemstone and matching earrings. The background is a dark, smoky environment with glowing orange and yellow embers or fire particles floating around them. In the upper right, the author's name is written in a stylized font. At the bottom, the title is written in a large, elegant script, and two age rating icons are present.

Рин Дулин

МОЙ ЛЮБИМЫЙ
Домовой

18+

18+

Рин Дилин

Мой любимый домовой

<https://litres.ru/73902806>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умереть, чтобы очнуться в другом мире и сразу опять умереть?
О, в этом вся наша Даша!

Сокровенные мечты сбылись, но так, что и врагу не пожелаешь. Радует одно – руки-ноги на месте, с остальным она как-нибудь разберётся.

А если уж приятным бонусом к магическому миру идёт красавец-домовой, то почему бы в него не влюбиться, раз с мужчинами так не везёт?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	53
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Рин Дилин

Мой любимый домовой

Глава 1

Боль и смачный хруст в затылке до темноты в глазах, да так, что перехватило дыхание. Грудная клетка рефлекторно дёрнулась в попытке вобрать кислород, но впившиеся в горло грубым хватом пальцы не дали сделать и глотка.

– Не смей мне перечить, тварь! Я сказал, что это должен был сделать он! Я не собираюсь за просто так кормить твоего приبلудыша! – с такой неприкрытой злобой прошипел мужской голос, что каждый волосок на теле встал дыбом от ужаса:

«Он убьёт меня!»

Утопая в панике, Даша заскребла руками перед собой, намереваясь расцарапать мерзавцу морду, но смачный удар под дых вынудил схватиться за живот и инстинктивно подтянуть ноги. Слезы градом покатались из глаз, а страх ледяными тисками сжал сердце: это конец!

Но где-то, на самом краю сознания, засвербила какая-то мысль. Разум, пылая паникой, ещё не успел чётко сформулировать, что же это такое, как негодяй отшвырнул её. И в без того ноющий затылок острой пикой с чавкающим зву-

ком вонзилась новая боль, гудящим чёрным муаром погребая под собой сознание Даши.

И она умерла. Второй раз за сегодня.

* * *

Ненависть. Именно это чувство поддерживало Гордерика всё это время. Кажется, всё то, что осталось от него, выбрировало, настолько сильно он ненавидел его... и презирал себя.

Надо же было этому магу быть столь беспечным! Ослабил бдительность, доверился проходимцу, и вот каков результат. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что судьба не будет жестока и в скором времени явит шанс.

До того, как с телом мага произойдёт непоправимое. К счастью, звери его точно не тронут. Но люди...

Гордерик так пылал гневом, что в первый момент, когда этот негодяй, наконец, привёл его в свой дом, он возненавидел и его жену, и ребёнка: разве пойдёт порядочная женщина за такого подонка? Нет, только такая же корыстная тварь, как и он сам! А мальчишка... От трупоедов плодятся трупоеды.

Но чем дольше Горд смотрел, наблюдал за ними, тем отчётливее понимал, что не всё так, как он себе представлял. Всё больше он испытывал к девушке и пацану какую-то смесь жалости и презрения: разве можно быть такими бесхребетными?! Но всякий раз тут же одёргивал себя: он ненавидит их тоже — и точка.

Впрочем, стоило признать, что Гордерик был слишком предвзят к ним. Разве может противостоять здоровяку хрупкая женщина, когда тот прёт на неё с налившимися кровью от ярости глазами? Да у него кулачищи что молоты... А пацанёнок? Ему на вид от силы лет пять-шесть, не больше. И заметно сразу, что эти двое недоедают. А то, что он бил их... Гордерик это видел сам и не раз.

Ему было странно, почему Дьюк так относится к своей семье, пока не понял одну простую вещь – мальчишка не его сын. И Дьюк не просто это подозревал, он это знал. В тот момент Горд даже испытал некое извращённое удовольствие: наставила муженьку рога, пока тот на заработках наёмником колесил земли и Тёмную Пустошь? Но, приглядевшись к ней, понял, что опять всё не так.

Дьюк не оставлял попыток призвать Гордерика, воя по ночам в сарае на все лады моё имя, чем весьма нервировал его. Признаться, первые разы Горд от души повеселился, глядя на ошарашенное лицо негодяя, когда призыв не сработал.

– Гордерик Махонад! Гордерик Махонад! Приди на зов своего хозяина! – выл этот неудачник почти до самого утра, но до дуболома так и не дошло, что имя мага не является именем того, кто занял его место, а значит, всё было зазря.

Хотя, будь Дьюк хоть чуточку умнее, понял бы сразу, ещё там, сидя с магом у костра в лесу Пустоши, что даже они настоящих имён никому не говорят. В них сила, магия. А в нём этого не было ни капли. Как и ума.

Всё торжество и веселье в нём тут же сошли на нет, когда он увидел, что досаду отнеудачи Дьюк выместил на жене. Боги! Она даже не кричала и не пыталась защититься, видимо, давно привыкнув к беспричинным вспышкам ярости Дьюка.

А Горд... Впервые был так близок к тому, чтобы вмешаться. Наверное, в нём заговорила человечность, оставшаяся от мага...

Наёмник стал бить её всякий раз, после каждой попытки. Но сегодня, видимо, окончательно потеряв терпение добиться от него покорности, Дьюк был особенно жесток.

В пробирающей до дрожи предрассветной тишине эта мразь месила кулачищами девушку, посмевавшую спать, пока он, хозяин дома, бодрствует. Она зажимала ладонью рот, заглушая стоны, но Горд отчётливо слышал хруст костей в её тонком теле, и от этих звуков у него наверняка застыла бы в жилах кровь, будь он во плоти: даже твари Пустоши не так жестоки...

Испытывая перед девушкой какое-то острое, незнакомое чувство и предвидя непоправимое, Горд всё же решил помочь ей. Бесшумно выскользнул на улицу и постарался отвлечь Дьюка стуком в ворота. Будто бы кто-то пришёл. А затем, чтобы имитировать наличие чужого, шуганул старого пса, отчего тот испуганно забрежал, прячась в будке.

Дьюк, недовольно ворча, достаточно быстро показался во дворе, а он вернулся обратно, и в первое мгновение ему показалось, что девушка умерла. Его ужаснула разительно

бледная кожа при насыщенно-алых потоках из рассечённых губ, разбитого носа, что он не сразу заметил, что мальчишка, испуганно сжавшийся в комок под тонким одеялом на лавке у дальней стены, тарасился прямо на него.

Это происходило столь часто, что он уже не обращал никакого внимания: парень видит его, и что такого? То, что в нём медленно, но верно пробуждается тёмная магия, – забота его родителей, не его.

Заметив Горда, паренёк часто застывал испуганным столбиком, за что ему неоднократно прилетали крепкие затрецины от Дюка. А старуха, мать этого негодяя, неприлично часто захажившая к ним в гости, называла паренька ненормальным и убогим.

Горд не успел проверить пульс девушки, отчаянно понимая, что сегодняшняя мера не спасёт её от побоев, и ей надо бы хватать ребёнка в охапку да бежать подальше от этого зверя, пока он её не убил, как Дюк вернулся. Кляня хулиганов и старого пса, не определившего, что это шутики подвыпивших парней, он подошёл к кровати и безжалостно дёрнул жену за худую руку и сбросил на пол.

Раздался еле слышный стон, и он выдохнул со странным облегчением: жива...

– Поднимайся! Скотину пора кормить! – рявкнул Дюк, для верности подкрепив слова пинком в живот несчастной. Она свернулась в клубок, хватая ртом воздух, а нелюдь перевёл взгляд на парнишку: – И ты подъём! Воды нужно на-

таскать!

Отступив глубже в тень, Горд почувствовал охватившую душу всепоглощающую ненависть. Это тёмное чувство – не совсем то, что нужно для его магии, но по силе вполне подойдёт. Отлично! Если так и дальше будет, то артефакт быстро зарядится, и тогда...

Буравил глазами врага и подстёгивал в себе мрачное пламя:

«Ненавижу! Убью тебя, падаль, но так, что ты будешь молить меня о смерти!»

Он так увлёкся и не обратил внимания, что девушка, когда пришла в себя, выглядела более чем странно: она обвела незнающим взглядом дом и себя. А на очередной рык Дюка посмотрела на него с прищуром, но всё же подчинилась. Мальчишке хватило и первого окрика, он давно уже натягивал на босые ноги издававшие виды ботинки, косясь на неторопливо одевавшуюся мать.

Что-то в ней изменилось... но что? Понять это не давала кипящая в душе злость, которую он направлял в кулон, питая артефакт.

Ребёнок выскочил из дома, не забыв захватить пару громадных вёдер, и почти бегом направился к колонке на улице. Старый пёс, высунув нос из будки, проводил его взглядом, хлопая хвостом себя по бокам, но приметив Горда, торопливо спрятался.

Девушка же будто никуда и не спешила. Остановилась у

крыльца, точно размышляя над чем-то. И он вдруг понял, что даже не знает, как её зовут. Дьюк и старая хрычиха постоянно награждали её нелицеприятными эпитетами, лишь изредка, в минуты хорошего настроения, называли «эта» и «ты».

Будто заразившись неутихающим гневом Горда, Дьюк не мог уснуть. Поворочавшись, встал, с раздражением выпуская сквозь стиснутые зубы воздух, и вышел из дома. И словно нарочно, именно тогда, когда пацан, надрывая пуп, запёр во двор два полных ведра с водой, которые и взрослому мужчине-то ощутимый груз. Его мать, заметив это, охнула и бросилась на помощь, не углядев выходящего на крыльцо по-прежнему kloкочущего мужа. Гордерик подобрался, уже зная, что сейчас будет, но поделаться ничего не мог: солнце уже выглянуло из-за горизонта, а артефакт был ещё слишком слаб.

Девушка подхватила у мальчика вёдра, нежно поглядывая на бледнеющую мордашку, и поинтересовалась, куда их нужно отнести, словно забыла. Мальчик же не мигая смотрел на бесшумно подкрадывающегося к ней сзади Дьюка и не мог вымолвить ни слова, оцепенев от страха.

Первый удар в бок снёс её с тропинки, и она упала, ударившись головой и опрокинув на себя вёдра. Возможно, именно ледяная вода не позволила ей потерять сознание. Она затрепыхалась, силясь подняться.

Второй достался пацану. Дьюк, по своей гнилой привычке

метился малому в живот, да только тот сжался, когда кулак был уже отправлен в полёт, и удар пришёлся по худой груди парнишки. Еле уловимый хруст косточек — и мальчик упал, закатив глаза, беззвучно хлопая ртом, выгнувшись дугой и разодрав на груди рубашечку. Из рта потекла кровь. Не нужно было быть лекарем или целителем, чтобы понять, что Дьюк сломал парнишке грудную клетку, отчего сердце внутри сдавило, порвав лёгкие, и он, побившись в мучительной агонии, скоро умрёт.

Только мерзавец этого ещё не осознал. Точно обезумевший зверь, в один прыжок он оказался возле жены, схватил одной ручищей за горло и, как тряпичную куклу, поднял в воздухе. Девушка забилась, царапая его пальцы и силясь оторвать их от горла.

Горду не пришлось напрягать слух, чтобы расслышать как он ей прошипел:

– Не смей мне перечить, тварь! Я сказал, что это должен был сделать он! Я не собираюсь за просто так кормить твоего приبلудыша!

Она задёргалась ещё яростнее, по-кошачьи замахала согнутыми пальцами, будто хотела выцарапать негодяю глаза, но Дьюк привычным ударом под дых пресёк сопротивление и брезгливо отшвырнул скрючившуюся от боли женщину. Смачный хруст черепа о камень, когда она упала и замерла, глядя в светлеющее небо распахнутыми оленьими глазами, привёл негодяя, наконец, в чувство.

Он застыл, медленно переводя взгляд с мёртвой жены на умирающего сына и обратно. Непривычным неуверенным жестом взлохматил себе волосы, словно решая, что теперь делать. Горд был уверен, что в этот момент в нём не было ни капли раскаяния, Дюк боялся за свою шкуру. За убийство и в старое время светила висельница, а в нынешнее, когда Тёмная Пустошь подбиралась всё ближе, да в таком маленьком селении... Никто и разбираться не станет, вздёрнут Дюка — и дело с концом. К тому же он наверняка здесь всем поперёк горла торчит из-за взрывного характера и неуёмных кулаков, поэтому только повод дай.

Дюк это прекрасно понимал, всё же не до конца дурак. Спустя секунду его сдуло обратно в дом, где послышался грохот: он переворачивал всё, торопливо собираясь в путь.

Горд же с места сдвинуться не мог, трясаясь от ненависти и того, сколько такой же энергии выбросили из себя эти двое. Этот залп был способен насытить артефакт с лихвой. И он собрал всё, до последней капли.

Успел закончить как раз вовремя: Дюк, одетый в дорожный костюм, при полном вооружении наёмника, перекинув под завязку чем-то набитые седельные сумки через плечо, направился к конюшне. Он вывел гнедого жеребца, зафыркавшего на Горда и испуганно шарахнувшегося в сторону, но Дюк прикрикнул на него, подумав, что животное так реагирует на мертвеца и судороги полудохлого мальчишки.

Замешкавшись у ворот, негодаяй всё же додумался при-

крыть их, чтобы тела не обнаружили сразу. Только Горда это не могло остановить.

«Всё, кончилось твоё везение, мразь. Теперь я – хищник, а ты – жертва. Впрочем, так было всегда».

Злобное предвкушение возмездия растянуло его губы, и он нарочито медленно направился следом, давая ему фору, чтобы усилить наслаждение. Но споткнулся, проходя мимо умирающего мальчика, и невольно уткнулся взглядом прямо ему в глаза. Он, как и прежде, видел его. Только теперь в его немигающем взоре не было страха. Кажется, малой понял, что это конец.

Что-то непонятное шевельнулось в Горде, и он решил, что не сможет просто так уйти. Дюк вполне может подождать ещё. А у мальчика времени больше не было. В конце концов, благодаря ему и его матери сегодня Гордерику удалось то, к чему он так долго стремился, – заполнить Тёмное Сердце. А раз так, то у него перед ними должок...

Вздохнув и призвав свою магию, он погрузил пальцы мальчишке в грудину. Ухватив сошедшие с места кости, дёрнул, поставив их на место. Одновременно с этим чуть толкнул его магический резерв, побуждая скрытую в нём Тьму просто сделать своё дело. В некотором смысле парень оказался на редкость везучим: в нужное время с ним оказался бесплотный Горд, а их магия была созвучна.

Взгляд мальчика, храбро перенёсшего боль, сменился на умоляющий, и он чуть качнул головой в сторону матери. Его

просьба была Горду понятна без слов: он просил спасти её. Но что он мог? Поднять её труп? Вряд ли его это удовлетворит... Но всё же подошёл к ней. Если уж и не поможет, то хотя бы сделает вид, что пытался.

Повернул её голову и, чуть погружая пальцы в тело, ощущал кости черепа. В принципе, трещина была не критичной. Но изнеможённое состояние и постоянные побои сделали своё дело – она умерла.

Он позволил магии скользнуть внутрь её тела. Не столько для себя, сколько для мальчика, пристально наблюдавшего за ним. Хотел, чтобы он понял: Горд сделал всё, что мог, но никому не подвластно вернуть душу, если она уже ушла.

Каково же было его удивление, когда ощутил, как медленно, но верно забилося сердце, а раны начали исцеляться. Девушка дрогнула и прикрыла распахнутые до этого глаза. Проклятье! Она дышала! Жива, она была жива! Но... как такое возможно?

Взгляд упал на мальчишку, и Горд хмыкнул, скрыв это за ободряющей улыбкой. Конечно! Как он не подумал сразу? Материнская любовь способна на чудеса. Девчонка знала, что парень без неё пропадёт, и её душа не смогла оставить ребёнка. Ей требовалось совсем немного, маленький толчок для жизни, и Горд дал ей его.

Что ж, хорошо. Но дальше пусть уж сами.

Призвав силу артефакта, он подхватил её на руки, занёс в дом и уложил на постель. О том, что это бесполезная трата

драгоценной энергии, старался не думать: на Дьюка должно хватить. Вернулся за мальцом, но тот уже поднялся сам и, держась за перила, на подгибающихся ногах стоял на крыльце.

С серьёзным видом кивнул Горду, выражая благодарность, посторонился, пропуская, и выглядел при этом как не всякий взрослый: умный свет в глазах, решительно поджатый подбородок и хмурая складочка на лбу, как если бы мальчишка взвешивал всю полноту свалившейся на него ответственности по уходу за больной матерью и хозяйством.

Горд хмыкнул и прошествовал мимо, к воротам, прекрасно зная, что максимум как к вечеру это ноша с его плеч спадёт, и женщина придёт в норму: магия излечит её. Сейчас же его заждался Дьюк... Пожалуй, это тоже можно было считать как дар или благодарность: без него им явно будет лучше.

Сжав сознание до всевидящего шара, Горд вылетел со двора, высматривая добычу. Но вместо радостного предвкушения и азарта охоты в нём билась тревожная неуместная мысль: а мальчик вообще хоть раз говорил за то время, что он находился в доме Дьюка?..

Глава 2

Очередное пробуждение далось Дарье ещё труднее, чем прошлое. Боль сковала голову так сильно, будто череп после удара о камень потрескался...

Хм, а ведь всё так и было! Она помнила: она умерла, да. Причём дважды за сегодня.

Память возвращалась упругими болезненными толчками, заставив застонать от муки: она – Даша... Да нет, Дарина! Дарья Милугина, повар, тридцать пять лет... Нет, Дарина Стиггер, двадцать три года...

Ох, да что ж такое?!

– Мам?.. – робко прозвучало рядом, и она ощутила на руке лёгкое касание.

Дашу словно громом поразило: у неё же не было детей! Хоть и хотела, да видно, богу было так угодно...

В голове была бешеная круговерть, как будто в маленькой комнатке кто-то включил сильный вентилятор, и все воспоминания, как листы бумаги воспарили, смешались и кружились в плотном водовороте, мешая что-либо рассмотреть. Когда перед внутренним взором пролетал какой-нибудь из них, голову тут же простреливала нестерпимая боль.

Митрим Юркерт, пять лет, её сын от первого брака.

Так, всё, хватит! Кажется, она знала, из-за чего такая мука. Тот урод так сильно приложил её головой о камень, что

она уж думала всё, конец. У неё сто процентов сотрясение мозга и как бы не трещина в черепе. Она не будет пока пытаться что-либо вспомнить, сперва нужно немного прийти в себя.

А кстати... где этот негодяй?..

«Дьюк Стиггер – второй муж», – услужливо подкинул ураган в голове, не забыв до слёз прострелить мозг. Прекрасно, просто прекрасно! В смысле, совсем нет.

– Ма?.. – опять жалобно мяукнули рядом и шмыгнули носом.

Даша осторожно приоткрыла один глаз (второй отчего-то открываться отказался) и огляделась: мерзавец заслуживал того, чтобы сидеть в тюрьме! Это подумать только — бить детей! Негодяй! Но прежде чем волочь эту сволочь в полицию, следовало позаботиться о своей безопасности, а после уж можно взывать к стражам правопорядка для установления справедливости.

– О... он-н... у... уе... х... хал... – с трудом выговорил мальчик и сделал неопределённый жест рукой в сторону окон.

Испугался и сбежал? Вполне ожидаемая реакция от подобию мужика, привыкшего чесать кулаки об жену и ребёнка. Оставалось только уповать, что скоро он не вернётся: Даша была так зла, что боялась «ненароком» удавить этого козла во сне подушкой.

Митрим, бледный от переживаний, неотрывно глядел на

неё, опасаясь, что она опять умрёт. А того страшного человека, которого, как мальчик уже успел понять, кроме него, никто не видит, рядом не было, чтобы снова попросить его о помощи.

Девушка приподнялась и, стараясь не морщиться от боли, натужно ему улыбнулась:

– Уехал? Вот и славно! Нам вдвоём с тобой уж всяко лучше и спокойнее будет, правда же?

Он с облегчением кивнул, а она обвела взглядом комнату. Теперь, когда солнце поднялось выше, и через окна проникал зыбкий свет, не оставалось сомнений, что она, Дарья Милугина, точно героиня одной из любимых книг, попала в другой мир. Девушка отчётливо помнила, что по обыкновению заранее пришла на работу, чтобы перед началом смены спокойно выпить кофе и почитать на телефоне продолжение книги, изредка скользя мечтательным царственным взглядом по своей вотчине, кухне, и поразмышлять: «а что если бы?...»

Даша тогда ещё похвалила себя за такую привычку: к утру мягкий пушистый снежок сменился ледяным дождём, сковавшем все поверхности коварным ледяным панцирем. Он лил, застывая глаза, что девушка побоялась убиться ненароком по дороге. Но на удивление, до детского сада, даже несмотря на отсутствие фонарей и сносных тропинок в округе, она дошла без приключений. Они случились позже, когда Даша, с трудом поднявшись на крутое крыльцо и открыв

дрожащими мокрыми руками дверь, щёлкнула выключатель в тамбуре. Зажёгся свет или нет, девушка уже не помнила. А вот то, что свет её жизни в тот момент погас, — это точно.

Ох, сколько раз она говорила Петровичу, рабочему и дворнику по совместительству, что электрика на кухне коротит! Вот, пожалуйста, и результат...

Сейчас в её голове не возникло даже подозрения, что происходящее — следствие комы или каких-либо галлюцинаций: её мозг наверняка придумал бы что-нибудь более ванильно-сказочное с балами и принцами, а уж никак не такое унылое мрачное место с мужем-деспотом.

Она встала, автоматически убрала постель и отправилась осматривать дом. Отсутствие в доме санузла и даже мало-мальски простейшего рукомойника в очередной раз подтвердили её уверенность в реальности происходящего: Даша помыслить не могла, чтобы жить в таком месте, где нет минимальных удобств. А уж про обязательную мойку в кухонной зоне и говорить не приходилось. Её внутренний шеф-повар сразу грохнулся в обморок, когда увидел подобное вопиющее нарушение санитарных норм: а ведь в доме ребёнок!

Вместо привычной раковины, справедливости ради надо сказать, около печи имелась низенькая табуретка, на которой стоял таз, а рядом, на полу, маленькое ведро с водой и ковшиком. Память Дарины услужливо подсказала, что тут девушка мыла овощи и посуду.

Даша зачерпнула воды и отпила, продолжая задумчиво

оглядываться. Судя по всему, Дарина была достаточно чистоплотной и старательной девушкой, тогда отчего же в доме творился такой хаос?

Вывод напрашивался сам собой: Дьюк сбежал, решив, что в этот раз точно убил жену с пасынком. Любому другому это вполне могло сойти с рук, списали бы на несчастный случай, и дело с концом, но так как в деревне наёмника не жаловали из-за его сволочного характера, то вполне могли уцепиться за шанс избавиться от него. Вздёрнули бы на деревенской площади без суда и следствия и вздохнули свободно.

Было совсем невесело осознать, что этот мир по отношению к женщине застрял в тёмном средневековье: корова заболела — ей лекаря позовут, а баба занедужила, максимум, на что может рассчитывать, — сердобольная соседка травок каких-нибудь принесёт.

Оклемалась — молодец, работай-рожай дальше. Померла — что ж, бывает, видно, богам так было угодно. Женщина — грязь на сапогах мужчины-господина: отвалилась одна, достаточно быстро найдётся другая.

Ведуний в этой деревне не водилось. Впрочем, как и ведьм. Потому что все, у кого имелся хоть крохотный магический дар, подавались в города в поисках лучшей доли.

Одинокие женщины младше тридцати пяти лет, находящиеся без опеки отца, брата или мужа, априори признавались блудницами и облагались налогом.

Исключение составляли лишь те, кто владел магией. Этих

женщин передавали в монастыри Пресветлых Дев и определяли на работу в больницы. Бесплатно, конечно же. Вернее, они были обязаны работать, таким образом оплачивая монастырскую крышу над головой и кусок чёрствой лепёшки.

Налог на блуд даже при наличии приличной профессии оказывался непосильным. И всем было плевать, что несчастная только-только овдовела и у неё куча детей.

Если родственников, готовых взять под крыло вдовицу с детишками не находилось, детей отбирали и определяли в сиротские приюты, больше похожие на работные дома. А попавших в долговую кабалу матерей судили и насильно отправляли отрабатывать долги на границу с Тёмной Пустошью.

Кто-то говорил, что в солдатские казармы, а кто – что самых красивых отдают на откуп-прокорм вампирам, тёмной магией сдерживающих расползание скверны. Одно все знали точно: женщины, уезжающие на границу с Пустошью, обратно не возвращались.

Дарья плеснула из ковшика в ладонь воды и ополоснула лицо, чувствуя, как ей стремительно становится нехорошо. Что она там собиралась делать? Тащить Дюка к стражам правопорядка? Вот муженёк повеселился бы, когда её саму заперли бы в камере, а после сразу отправили туда, куда всех неугодных женщин везут.

Нестерпимо захотелось вернуться обратно в свой мир, где подобные возмутительные вещи давным-давно оставле-

ны позади.

Теперь девушке стало понятно, почему Дарина безропотно терпела любые издевательства над собой, небезосновательно полагая, что один моральный урод лучше, чем целый полк таких же негодяев. Её утешало лишь одно: Дьюк был наёмником и частенько уезжал, оставляя её с Митримом одну, и тогда, несмотря на голод, наступал их маленький с сыном Рай.

Девушка перевела взгляд на безмолвно мнущегося рядом ребёнка и поняла, что сделает всё, чтобы Митрим не оказался в сиротском доме: она так мечтала о детях, и теперь у неё был сын! Проблема заключалась в одном – с Дьюком она сосуществовать не сможет: рано или поздно один из них убьёт другого. Но из-за законов этого королевства ей нельзя свободно жить одной и воспитывать ребёнка. А значит, следовало что-то срочно придумать.

Может быть, в соседних странах-государствах законы к женщинам не столь суровы? На этот вопрос в памяти Дарины ничего не нашлось: как и всех девочек, никто и не думал обучать её грамоте, считая это пустой тратой времени.

К счастью, для поиска путей решения проблемы у Даши наверняка есть минимум неделя: вряд ли Дьюк объявится раньше. Если он не до конца идиот, то, чтобы иметь алиби, возьмёт в гильдии кратковременный заказ на сопровождение каравана какого-нибудь торговца.

Гильдия находилась в городе, в трёх днях пути отсюда.

После выполнения задания наёмник обязан представить отчёт, чтобы получить причитающиеся монеты. Дорога туда, обратно, плюс найм – итого полторы-две недели, и Даша чувствовала, что не имеет права попусту профукать это время.

Девушка решительно осмотрела владения. Хозяйственный двор порадовал её курочками, гусями и были даже вполне упитанные поросята. При её появлении живность заголосила на все лады, требуя кормёжки.

А на Дашу напало некое подобие ступора при виде этого богатства, и зудел один только вопрос: почему, имея огород и столько скотины, Дарина и Митрим выглядели так, будто их с рождения держали в каком-то концлагере?

Нет, в прошлом мире Даша была упитанной женщиной. И причём весьма. Как все пышки, она отчаянно желала похудеть. Но даже её худое тело Дарины наталкивало на мысли о некоем голодоморе, который имел место в этой семье.

И точно! Стоило ей подумать, как память услужливо подкинулавоспоминания, окрасив и без того неприглядную картину «счастливой» семейной жизни Дарины в мрачные тона.

Всё дело в том, что дом, в котором они жили с Дьюком, принадлежал матери этого мерзавца. А, как известно, яблочко от яблоньки недалеко падает. Эта старая карга, стоило Дьюку только выйти за порог, ощущая себя в полном праве, наседала на бедную Дарину с требованием отдавать ей всё, что произрастает в огороде и водится на хозяйственном дворе.

– У меня в огороде! Это мой дом, мой двор, моя земля, а значит, всё, что здесь есть, – моё! – не уставала напоминать она, забирая гусей-поросей и подрощённых цыплят.

Дюк ей и слова на это не говорил, ухмыляясь на поникший вид жены, но Дарина видела, как мать на следующий день отдала ему пухлый, звонко бряцающий мешочек, который Дюк за несколько дней просадил с друзьями.

За куриными яйцами старуха навевывалась каждое утро, сразу унося их на продажу в таверну или на маленький стихийный рынок у тракта. Если бабке вдруг казалось, что яиц слишком мало, то она вполне могла устроить в доме обыск, чтобы убедиться, что девушка не припрятала пару-тройку для себя и ребёнка.

Столкнувшись с этим беззаконием в первый раз, девушка попыталась возмутиться, но старая пердунья что-то напела сынку, и он отметелил жену так, что та неделю не могла с лавки подняться. Яростно брызгая слюной, Дюк орал, что не желает кормить её щенка от первого брака, и они кусок в этом доме должны ещё заработать.

Стоит ли говорить, что после такого старуха и вовсе берега видеть перестала? Чуть что, она грозилась рассказать всё Дюку, и, желая уберечь от побоев Митрима, Дарина прикусывала себе щёку до слёз, глядя на то, как «немошная» старушка в очередной раз уносит огромные корзины, доверху набитые едой, со двора, вынуждая невестку с ребёнком жить впроголодь.

– Митя, собери яйца, – попросила Даша, зорко приглядываясь при этом к степенно бродящим курочкам и намечая будущую жертву: забивать хорошую несушку не хотелось, петух был всего один, а ребёнку, страдающему от истощения, раз в день обязательно положен куриный наваристый суп – это вам любой доктор скажет.

Вот и высматривала девушка курицу такую, которую остальные несушки гоняют от кормушки, и эту птицу рано или поздно всё равно под нож пустить придётся. Таких нашлось даже несколько.

Мальчик послушно взялся за дело, а Дарья отправилась в огород. Попутно, усмотрев в высокой траве между сараев еле заметную тропинку, воспользовавшись воспоминаниями Дарины, увидела, что в укромном уголке на старой навозной куче у несчастной имелась настоящая сокровищница – семейство грибов, очень похожих на земные шампиньоны. Она, от страха, что старуха отберёт и это, тщательно прятала грибницу, наклоняя траву так, как учил её сызмала отец-лесник, чтобы скрыть след от зверя.

«Вот уж воистину, что зверьё бешеное! Это надо же, до какого отчаяния девчонку довели, что она над каждым грибочком-зёрнышком тряслась!» – горько хмыкнула Дарья, делая зарубку в голове, чтобы обязательно наведаться туда: не столько за грибами, сколько за мицелием, из которого на новом месте можно будет развести грибницу.

Дарья прикинула, что грибочки круглый год вполне мож-

но иметь, если применить земную технологию и выращивать их в ящиках, найдётся им место и в кладовке, и в подвале.

В огороде произрастало много привычных растений: клубника, яблони, груши, были даже огурцы с помидорами. Жаль, что для большинства срок созревания ещё не наступило наступил, но Даша не унывала. Углядев у забора крапиву, сорвала пару стеблей. Ухватила их, обернув руки краем подола, памятуя о её жгучем нраве.

Вернулась в дом и осмотрела закрома, заодно сразу наводя порядок. По паре горстей разной крупы, небольшой мешочек серой муки, растительное масло – остальное, видимо, Дюк забрал с собой. Потому что через память Дарины девушка проверила все известные ей тайники мужа и не обнаружила ни единой монетки.

С кормом для скотины дела обстояли гораздо лучше, и Даша вновь приободрилась, рассудив, что вполне можно будет взять зерна из их мешков, если уж совсем невогготу станет.

Отправив Митю выгнать гусей пастись (эти шипящие сволочи будто знали, что души хозяйки в теле больше нет, и норовили отщипнуть от Даши кусочек), девушка натаскала воды, затопила печь и принялась хлопотать по хозяйству. Задав корм скотине, безжалостно поймала примеченную курицу и зарубила её. Конечно, у неё при этом, как у городской жительницы, всё содрогалось, и по телу бежали крупные мурашки, но вид голодных глазёнок Мити придал ей уверен-

ности.

Гораздо сложнее потом было поймать бегающую по двору безголовую курицу и ощипать её. А вот выпотрошить и разделить, как повару, ей уже было привычно.

Поставив часть курицы вариться, она, смешав немного муки с яйцами, замесила тесто и положила под салфетку отдыхать. Заварила чай из трав и пожарила на скорую руку яичницу.

Митя при этом смотрел на неё с таким ужасом, будто она совершает немыслимое кощунство. Даша понимала, из-за чего такая реакция, но, строго сдвинув брови, велела сесть за стол. Стоило первому кусочку оказаться во рту, и мальчик уже не мог остановиться, пока сковорода не опустела.

Пока ребёнок ел, девушка, угрюмо цедя отвар, с недовольством ощущала в теле непривычную слабость, хотя забот ещё было полно: день только начался! Оно и понятно, откуда в этих костях сила? Еле-еле дух в них держится.

Другое дело было там, в прошлом мире: несмотря на пышные формы, тело работало так, что, даже утопавшись за целый день у плиты, Даша к вечеру скорее испытывала удовлетворение от проделанной работы, нежели усталость.

Нет, она, конечно, пыталась похудеть. Долго сидела на диетах, но вес или не уходил совсем, либо очень мало. Зато после изнурительной голодовки возвращался в полном объёме, приводя с собой «пленных».

Даша, конечно, предполагала, что у неё конституция та-

кая (её мама и бабушка тоже были полными), но мужчинам же этого не объяснишь. Они глядели на мягкие формы Даши, кривили носы и талдычили все одно и то же, что ей нужно скинуть лишнее, став более близкой к идеалу интернет-моделей. И девушка, отчаянно желая семью и детей, вновь начинала истязать себя.

Одна из знакомых, видя Дашины мучения, посоветовала ей обратиться к врачу и проверить гормоны. Сбой эстрогенов выявился сразу, девушку перенаправили к гинекологу. Там ей назначили принимать противозачаточные таблетки, да и отправили восвояси.

В целом, изрядно помучавшись с подбором средств из-за наоборот увеличившегося веса, у Даши почти получилось достигнуть желаемых цифр. Она не задирала планку до пресловутых 90-60-90, но формула «рост минус сто равно вес» – была её мечтой.

Казалось, вот оно, счастье! Тем более что достаточно скоро нашёлся ухажёр, и они начали жить вместе. Жениться он не предлагал, но Даша решила, что свадьбу можно сыграть и после. Только вот... таблеточки пить она давно перестала, а желаемая беременность всё не наступала. В дело снова пошли врачи.

Неутешительный диагноз, бесплодие, выбил у Даши почву из-под ног. И ладно бы оно было врождённым, но во всём оказались повинны те самые противозачаточные таблетки.

– Милочка, вы разве не знали, что все средства: таблетки,

свечи, крема – обладают подобным побочным эффектом? – невозмутимо на её слёзы передёрнул плечами врач. – Производители, думаете, зря на коробке пишут, что их нельзя применять долго без перерыва? А вы сколько времени эту химию глотали? Так чего теперь слёзки лить?

Дашу будто обухом по голове ударили. Когда, словно до кучи, ухажёр свалил в закат, он взглянула на свою жизнь совершенно другими глазами. Как она не замечала раньше, что за мужчины её окружают? Бездушные эгоистичные мерзавцы! Её лишний вес был отличной защитой от сброда, у которого уровень интеллекта не превышал амёбный: жрать, спать и сношаться без обязательств – вот их потолок.

У неё был шанс встретить мужчину другого уровня, более духовно развитого, который не посмотрел бы на её лишние кэгэ, а принял такой, какая она есть. И она, конечно же, приняла бы его в ответ, пусть он хоть тысячу раз похож на Шрэка! Но в итоге что? Сама разрушила свою жизнь собственными руками...

Да ладно муж! Она могла бы родить без такового, жить вполне счастливо, и без обязанности терпеть возле себя жующе-ноющего идиота.

Девушка шумно выдохнула, прикрыв глаза: бог ли, или ещё какой высший разум, дал ей второй шанс, и в этот раз она проживёт правильно! Никто больше не будет ей навязывать то, что хорошо и как надо, – это она будет решать сама! Она сама решит, какой ей быть и как выглядеть, и не позво-

лит больше ни одному мужику обосрать свою жизнь!

Даша поднялась и уверенно взялась за дело. Митрим с опасливым любопытством наблюдал за её действиями, но ничего не говорил. Девушка поняла, что мальчик, из-за своего сильнейшего заикания, привык помалкивать, и это был ещё один пункт в её списке дел: «Помочь Мите побороть недуг».

Прокрутившись весь день, точно белка в колесе, лишь ночью, лёжа в постели и слушая ровное дыхание Мити, Даша поняла, что её беспокоило всё время. Мысль ужалила осой, зародив в душе тревогу: свекруха сегодня так и не пришла.

А это вполне могло значить, что Дюк, прежде чем сбежать из деревни, посетил драгоценную мамашу и рассказал ей обо всём. И та, опасаясь, что смерть невестки и ребёнка могут повесить на неё, решила повременить и подождать, пока смрад разложения не привлечёт внимания соседей.

Но всё могло быть ещё хуже: Дюк не уехал, а затаился в доме у матери. А значит, день-два — и негодяй вернётся...

По спине пробежал неприятный холодок, и Даша силком заставила себя закрыть глаза, мысленно отругав: завтра нужно рано встать, а проблемы следует решать по мере их поступления. Когда Дюк вернётся, тогда она и будет думать.

Дневная усталость и сытость от каши с курятиной на ужин сделали своё дело, и девушка быстро уснула.

Горд незримо двигался за Дьюком, испытывая мрачное злорадство: мужчина нёсся к городу, будто за ним вампиры гнались. Чуть коня не угробил.

Да только вот... Горд был хуже, гораздо хуже вампиров.

Он дождался, когда Дьюк свернул с тракта в лес и устроился на ночлег. Мужчина ожидаемо углубился в чащу, чтобы с тракта не было видно костра. Несмотря на наличие клинков в ножнах, Дьюк был трусом и опасался нападения разбойников.

Дав ему время съесть последний ужин, Горд обрёл видимость и шагнул из кустов к костру. Дьюк посерел и отшатнулся, когда Горд требовательно протянул ладонь:

– Верни моё Сердце!

Рука наёмника рефлексивно схватилась за грудь у основания шеи, как если бы под одеждой было что-то скрыто, но он тут же совладал с собой и отдернул руку. Поняв, что именно там и спрятан артефакт, Горд не стал просить дважды, решив, что и так был достаточно добр к наёмнику, дав ему шанс вернуть украденное добровольно. Он взмахнул рукой, призывая Тьму, и та голодным зверем бросилась на человека.

Крики боли и ужаса взвились над поляной и разнеслись по лесу, напугав обитателей. Птицы, громко хлопая крыльями, рванули прочь от страшного места, где в танце смерти сплелись человек и создание Пустоши.

Всё закончилось быстро. К печали Горда. Он настроился

на долгую месть, но люди слишком хрупки. Обыскав труп и переверолошив все вещи, Горд в ярости зарычал: кулона не было!

Дело ухудшало то, что Дьюк пронзил грудь мага обсидиановым кинжалом до того, как произошло полное слияние, и теперь Горд не мог точно определить нахождение артефакта: он его не чувствовал, даже несмотря на связь. А энергия, которую он с таким трудом накапливал, между тем стремительно таяла...

Предположил, что кулон мог упасть по дороге и затеряться в дорожной пыли, когда Дьюк гнал коня во весь опор, но обыскивать каждый метр тракта у него просто не хватило бы сил. К счастью, тёмная ночь была его временем суток, и Горд призвал мелких созданий Пустоши, поручив эту работу им. В уплату он отдал им коня наёмника.

Не дожидаясь, когда они закончат пир и примутся за дело, Горд вновь сузил сознание до шара и рванул туда, где в лесу на границе с Тёмной Пустошью лежало тело мага. Лететь пришлось неожиданно долго: Дьюк изрядно поколесил, хватая один заказ за другим, прежде чем вернулся в деревню. Украд Тёмное Сердце, предназначавшееся не ему, наёмник всеми силами старался избежать возвращения в столицу, изображая великую занятость, но Горду было непонятно, почему король не стремился переговорить с единственно выжившим из всей делегации послов.

Вывод напрашивался сам собой – король не в курсе того,

что Тёмная Пустошь в знак подтверждения заключения мира явила артефакт, и для него гибель людей выглядела как символ продолжения этой бессмысленной войны.

Засранец Дьюк алчностью перечеркнул возможность остановить многолетнее кровопролитие...

Горд достиг тела и взглянул в лицо человека, добровольно принесшего себя в жертву, чтобы стать вместилищем для него.

Гордерик Махонад – так звали этого храброго тёмного мага. Тот, кто должен был при заключении мира занять его место, носил совершенно другое имя. Вернее, их было множество: Чёрный Всадник, Тёмный Генерал, Страж Тьмы – вот только самые известные из них. Но ему понравилось то, что носил этот мужчина, и он решил оставить его себе, называясь так и дальше.

Лицо мага выражало расслабленное умиротворение, будто он просто спал. Картину портила только торчащая из груди обсидиановая, как и весь клинок, рукоять кинжала.

Горд даже не пытался вытащить его. Обсидиан – мощный артефакт против любых тёмных сил, и он был не исключением. Ему повезло, что в тот момент, когда Дьюк всадил кинжал в тело мага, Горд находился вне его, иначе бы он оказался заключённым в эту неживую и немёртвую плоть, как в темницу без окон, дверей и надежды на освобождение.

Бесшумно, как и все первые порождения Пустоши, из чащи на тёмном коне выехал близкий сородич Горда, почти

брат-близнец, тоже Чёрный Всадник, Ужас.

Сверкая алыми угольями глаз, его конь остановился у самого тела, облизнулся было, но почуяв идущую от мага тёмную энергию, скривился и шумно фыркнул, мотнув головой. Ужас безмолвно взирал на Горда, но тому и не нужно было слов, чтобы понять суть вопроса. Поморщившись, он помотал головой: ему нечего передать для Него. И почти тут же ощутил всем существом ехидное хмыканье Ужаса: тот хотел участвовать в миссии, но Он выбрал не его.

Горд нахмурился, и Ужас унял своё эго. Простёр руку в сторону тела мага, предлагая лучше спрятать его, и Горд кивнул, разрешив Ужасу забрать его.

Сам, оставшись в одиночестве, ещё долго бродил по поляне, чувствуя, как энергия капля за каплей покидает артефакт. Признаваться Ужасу в поражении было невыносимо стыдно.

Глава 3

Не сразу, но Даша поняла, что спит и видит не просто сон, а воспоминания Дарины.

Сперва хаотичные, сумбурные, они постепенно выровнялись и потекли вполне сносным повествованием о нелёгкой судьбе девушки. Даша расслабилась и наблюдала его, точно какой-то не особо рейтинговый фильм.

Родилась Дарина в семье лесника, мать не помнила: та умерла от какой-то болезни, когда девочка была ещё очень маленькой. Отец души не чаял в дочери и долго не женился. Даша предположила, что мужчина искренне любил супругу и не мог прийти в себя после утраты.

Однако работа с постоянными отлучками дома всё же вынудила его подыскать жену, чтобы из дикарки-пацанки, которой росла девочка, воспитать кому-то достойную будущую супругу. Когда порог дома перешагнула вдова с двумя детьми младше Дарины, беззаботная жизнь девочки кончилась.

Женщина с трудом переносила падчерицу, непосильно нагружая её работой, а когда муж подметил такую несправедливость, хитрая змея пояснила, что таким образом воспитывает в Дарине кротость, терпение и трудолюбие. Мол, такие женщины у мужчин особо ценны, и это для блага девочки, чтобы она смогла гораздо более выгодно выйти замуж.

Лесник попросил жену умерить пыл, и тогда мачеха сменила тактику: при нём была чуть ли не самой заботушкой к девочке, а стоило тому за порог, являла всю неприглядную подноготную во всей красе.

Дарина терпела, взяв с отца слово, что тот не выдаст её рано замуж. Станет отвергать предложения вдовцов, а к выбору супруга для дочери подойдёт с особой тщательностью. Дашу восхитила такая прозорливость в столь юном возрасте, но, к сожалению, Дарине она не помогла.

Когда девочке исполнилось пятнадцать лет, отец заболел, и ему потребовалось лечение. Надо отдать должное, мачеха боялась вновь овдоветь, не пожалела средств и пригласила лекаря.

Седовласый мужчина, на вид гораздо старше лесника, стал каждый день навещать больного, бросая украдкой пристальные взгляды на девочку. Это очень не нравилось Дарине, но скрыться от липкого внимания мужчины она никак не могла: мачеха обязала её помогать господину целителю. В тоже время женщина стала с падчерицей подчёркнуто ласковой, то и дело заводя разговоры о том, что о таком состоятельном муже, как лекарь Юркерт, любая девушка только мечтать может.

Дарина понимала, к чему клонит мачеха, и всеми силами старалась уйти от ответа, надеясь, что отец придёт в себя, вспомнит о договорённости и откажет настойчивому старику. Однако вскоре отец умер.

В тот же день господин Юркерт поставил Дарину и мачеху перед выбором: или они немедленно дают согласие на его брак с девочкой, или он присылает в их домик стражу. Мол, по закону женщины не могут жить без попечительства кого-либо из родственников мужского пола.

Мачеха хотела побоями склонить строптивую девицу к верному ответу, но Дарину защитил Юркерт, спрятав рыдающую девушку в объятиях, нежно глядя по голове и уговаривая:

– Свадьба со мной не так страшна, милая. Разве я похож на того человека, что позволит себе ударить слабого? Честно признаться, в силу моего возраста, жена мне, как мужчине, уже не нужна. Супруга мне требуется больше для статусности, и да, как всякому живому существу, мне хочется заботы и ласки... Соглашайся, моему дому так не хватает женской руки!

В дополнение он обещал заявить опеку над мачехой и её детьми. Дарина успела привязаться к сводным брату с сестрой, и ей искренне было бы жаль, если их отправят в сиротский дом. Девушке ничего не оставалось, как согласиться.

Лекарь тотчас увёз её в свой дом, расположенный в близлежащем городке, и без личных проволочек зарегистрировал с ней брак. Как и обещал, заявил опеку над мачехой супруги.

Дарина с содроганием ждала, когда новоиспечённый муж потребует от неё исполнения супружеского долга, но Юркерт

её не трогал. Он даже отвёл для девушки отдельную комнату, в которую позволял себе заходить крайне редко. Видимо, по поводу мужского бессилия он не врал.

Постепенно девушка успокоилась, и муж перестал ей видиться таким уж чудовищем: он стабильно баловал её нарядами, не очень дорогими украшениями и совместными прогулками. После свободы в лесном домике городок казался Дарине тесным и неуютным, но всячески стараясь угодить мужу, она пыталась смириться со своим положением и соответствовать ему. Хотя это давалось ей с трудом, и Дарине казалось, что улыбавшиеся в лицо матроны ядовито сплетничают у неё за спиной.

Как только она поверила, что жизнь потекла спокойной, ровной рекой, как Юркерта обязали переселиться ближе к границе: Пустошь разрасталась, отвоёвывая всё новые земли. Словно до кучи к плохим новостям, оказалось, что переехать им следовало в городок, находившийся под властью расположенного рядом замка-гнезда вампиров.

– Закон там более суровый, вампиры не трогают замужних дам, но вот всем остальным, не имеющим мужчины, грозит серьёзная опасность: вампиры чувствуют таких женщин и заведомо считают их своими, – говорил Юркерт, легонько поглаживая Дарину по леденеющим ладоням, и при этом как-то странно смотрел на неё.

Значение этих слов и взгляда она поняла гораздо позже, когда они прибыли на место. Старик продемонстрировал ей

пузырь из тёмного стекла и поставил перед фактом:

– Ты вольна выбирать: или быть по собственной воле моей женой в полном смысле этого слова, или стать донором для вампиров. Рано или поздно они почуют твою девственную кровь и слетятся сюда, как стервятники: девственницы для них что-то вроде деликатеса.

Решив, что плата в виде супружеского долга за спокойную жизнь с незлобливym и достаточно заботливым Юркертом – невеликая цена, Дарина выбрала первое. И в ту же ночь, супруг, приняв несколько капель настойки, лишил её привлекательности для вампиров. Хорошим дополнением было то, что теперь Дарина могла спокойно ходить по улицам городка, не опасаясь нападения кровососов: они почуяли бы имеющийся на ней мужской запах. Хотя муж и рекомендовал ей остерегаться долгих прогулок в сумеречное время, когда вампиры покидали гнездо для патрулирования Пустоши.

– Кто знает, что у них в головах творится? – совсем постариковски бурчал он, когда она разминала ему плечи после тяжёлого дня в госпитале. – Вполне может статься, что у какого-нибудь вампира умрёт донор, и он будет не в себе от голода. А стоит ему тебя укусить, кровосос уже не остановится, пока не опустошит твоё тело до капли...

Дарина соглашалась, и чтобы обезопасить себя, выходила в лавочки за продуктами и пекарню, когда на улице было светло и исключительно в полдень. В это время, по слухам, вампиры были особенно вялы и предпочитали спать в замке.

Она быстро сдружилась с пекаршей, по возрасту, как и она сама, совсем ещё девчонкой. Её муж, на вид мрачный здоровяк, дружбе девушек не препятствовал, понимая, что беременной жене нужно сбрасывать неуёмную кипучую энергию. А с кем, если в городке, кроме них, проживали одни старики?

– Ими даже уже вампиры лакомиться брезгуют, – кивала новоиспечённая подруга на старух, имеющих счастье ни от кого не зависеть и жить так, как хочется. Дарина соглашалась, но при этом отчего-то испытывала в душе сильную зависть.

Средство, которое использовал Юркерт, было изготовлено тёмным магом. А как всё тёмное, оно требовало плату. Капля за каплей, что он принимал, его собственная жизнь истекла из него, и однажды, выпив очередную порцию, Юркерт схватился за сердце и упал замертво, так и не дойдя до постели к ожидающей его молодой жене.

Дарина запаниковала, не зная, что ей делать и куда бежать за помощью. На улице стояла глубокая ночь, и без сопровождения выходить было опасно: не только вампиры, но и твари Пустоши шныряли во тьме по закоулкам. Кое-как затащив мужа на кровать, она решила дожидаться утра.

А стоило солнцу взойти, стало ясно, что Юркерт мёртв, и ничто не способно теперь оживить его. Испытывая тошноту при взгляде на покойника, Дарина оделась и прокралась к пекарской лавочке. Отвела в сторонку подругу и, давась

слезами, рассказала обо всём.

Услышавший их разговор пекарь уточнил, есть ли у Дарины родственники, готовые взять её под опеку, а на ответный кивок предложил вывезти её из города. Раз в три дня в город приходила крытая повозка с мукой и разными специями. Возница часто брался доставить какой-либо попутный груз.

– Он был вчера, – пояснил мужчина. – Значит, тебе нужно продержаться ещё пару дней. Но иногда вампиры проверяют обозы. Твой запах – твоя проблема. Если тебя учуют и найдут, я скажу, что ты пробралась туда сама, ясно?

Дарина покивала и вернулась домой. Еды у неё было достаточно, чтобы просидеть взаперти положенное время. Но что делать с ароматом молодого тела?

Выход в её голове придумался моментально, и Даша поразилась решительности девушки: сама бы она на такое ни за что не пошла бы! Но Дарина находилась на краю отчаяния, не желая становиться пищей для кровожадных вампиров.

Девушка собрала все вещи, которые намеревалась взять с собой, и обложила ими тело лежащего в спальне покойника. Она очень мудро рассудила, что аромат мертвечины перебьёт её запах и позволит беспрепятственно покинуть город.

В основном она намеревалась забрать только пару платьев, чтобы было в чём ходить первое время, полагая, что нужное купит на месте. Она не сказала пекарю, что говоря о родственниках, она подразумевала мачеху, всё так же живущую в домике её отца в лесу, иначе бы он тут же сдал её

страже. А те вампирам.

Девушка полагала, что женщина, после смерти Юркерта оказавшаяся в таком же бедственном положении, как и она, сумеет найти выход и обязательно что-нибудь придумает. Дарина собрала в узелок все имеющиеся драгоценности и деньги. Сняла даже запонки с пиджаков Юркерта и зажимы для галстуков. Посомневавшись, прихватила и бумаги, рассчитывая, что там может оказаться что-то ценное: Дарина не умела читать.

Два дня она лежала рядом с мертвецом, чтобы пропитаться смрадом: от тепла её тела труп начал разлагаться быстрее. Опасаясь, как бы усилия не пошли крахом, отходила лишь в туалет и ничего не ела: от страха её тошнило, и кусок всё равно бы в горло не полез.

В назначенное время она переделалась в источающие жуткую вонь вещи, прихватила узелок и прокралась на задний двор пекарни. Супруги, учуяв её «аромат», закашлялись.

– Радикально, – одобрительно кивнул пекарь, забрал у Дарины обговоренную плату и заверил: – Мы похороним твоего мужа достойно, можешь не переживать.

Дарина же в этот момент о покойнике волновалась меньше всего: Юркерту теперь всё равно, где гнить. Она переживала за себя, оглядывая стоявший в пекарской лавке ящик, в котором ей предстояло ехать: он ей напоминал гроб. Но передумать ей не дал подходивший к лавочке мужчина.

– Быстрее! Это вампир! – зашипела подруга, почти сил-

ком заставив Дарину шагнуть в ящик.

Она легла и замерла, а пекарь тут же прикрыл ящик крышкой. Когда не в меру красивый мужчина вошёл в лавку, девушка запоздало подумала, что это вполне могло быть специально спланировано супругами: вампиры предлагали золото за информацию о свободных девушках и вдовах, а подобная «случайность» не случайна.

Сердце отчаянно колотилось в груди, разгоняя кровь до шума в ушах, и было трудно услышать, что творится в лавке.

– Как обычно, господин? – скрывая дрожь в голосе, вежливо спросила пекаря.

– В двойном размере, – ответил бархатный голос, вызвав в Дарине тряску уже другого рода, ранее неизведанную: мурашки побежали по коже, стекаясь в тугий тянущий узел между ног, вынуждая сдвинуть колени крепче. – И предложите ещё что-нибудь из сладкой выпечки... что это там у вас? – поинтересовался он, когда девушка почувствовала, что ящик вместе с ней подняли.

– Это ошиблись с адресом доставки, господин, – узнала она голос пекаря.

– Да, что-то я стар стал, господин, кхе-кхе, не тудой отвёз... Видимо, совсем слеп стал... – этот скрипучий тембр был Дарине незнаком.

– Откройте! – последовал незамедлительный приказ.

Ящик опустили, крышка скрипнула, и девушка замерла, закрыв глаза, затаив дыхание и стараясь не дрожать: может

быть, так она сойдёт за покойницу?..

– Что это? Труп? – прозвучал чарующий голос совсем близко, и Дарина чудом сдержалась, чтобы не посмотреть на его обладателя: томление усилилось.

– Это кукла, господин! Видите? Просто кукла. Я слышала, такие в столице нынче в моде... – голос пекарши предательски вибрировал, выдавая обуювший ту ужас.

– Хм... А вонь как от покойника...

– Это из-за волос, господин, – не сдавалась девушка. – Волосы таких кукол делают, срезая пряди с трупов... Видимо, эти принадлежали уже разлагающемуся мертвецу...

– Какая мерзость! Закройте, пока всё здесь не провоняло! Не хочу, чтобы кровь моих невест отдавала подобной падалью. Пусть лучше будет сладкой, как ваши булочки...

– Вы правы, господин, – наигранно хихикнула пекарша, и в её тоне проскользнуло облегчение.

Крышка гроыхнула и накрыла ящик. Дарина, наконец, смогла выдохнуть. Где-то на самом краю сознания она почти пожалела, что этот великолепный мужчина не раскусил её затею. И лишь осознание того, что, как бы ни был красив хищник, природы его это не меняет, заставляло её лежать смирно и не шевелиться, пока пекарь с возницей грузили ящик в повозку.

Дорога до лесничества была долгой. К счастью, когда опасность встречи с вампирами миновала, старик-возница сделал привал, высвободив девушку из заточения и позво-

лив смыть смрад в ручье. Он оказался вполне неплохим дядечкой, чем-то напоминающим Дарине отца.

Девушка заплатила ему ещё пару монет, чтобы он довёз её прямо до развилки с просёлочной дорогой, ведущей к её родовому гнезду, и пешком прошлась, ностальгируя о детстве, припоминая, как они с отцом-лесником облазили всё в окрестностях и знали каждый кустик.

Мачеха встретила Дарину без радушия. Узнав о смерти лекаря, передёрнула плечами: мне, мол, какое дело? Тридцать пять ей исполнилось в прошлом году, и под закон она больше не подпадала. Сразу выгнать падчерицу из дома ей не позволили продемонстрированные той драгоценности.

Пронырливая тётка тут же сменила тон на елейный и выпросила у «доченьки» кольцо с большими камнями. Ей казалось, что такая вещица может стоить дорого, хотя Дарина помнила, что за него Юркерт отдал монет меньше, чем за выглядевшие простовато серёжки.

На следующий день, утром, стало понятно, что Дарина беременна. Сама девушка готова была списать на простое недомогание от нервов, но мачеха, ощупав ставший жёстким низ живота, стояла на своём: у Дарины будет ребёнок.

И это в корне меняло дело.

Юркерт, хоть и был простого происхождения, однако за годы лекарствования дослужился до младшего дворянского чина, который давали состоятельным горожанам, чиновникам и купцам. Что ещё было хорошо, что этот чин переходил

по наследству. А значит, если у Дарины будет сын, то он по рождению становился аристократом.

И тогда на его мать, одинокую вдову, не распространялся закон о блуде, сын как бы становился её опекуном до достижения совершеннолетнего возраста: а урождённые аристократки по умолчанию не могли быть блудницами, имей хоть сотню любовников. А если кто-то имел наглость сомневаться, вполне мог быть вызван на дуэль чести: дамы в подобном действе не участвовали сами, они просто нанимали головорезов, и наглеца убивали в ближайшей подворотне.

Приглашённая старая повитуха и местная ведьма по совместительству, воя на разные лады непонятную тарабарщину, подтвердила: будет мальчик!

Женщины ей щедро заплатили, чтобы она сохранила тайну нахождения Дарины в домике лесника. А на следующий день после родов мачеха привезла поверенного, чтобы он задокументировал факт рождения у усопшего дворянина Юркерта наследника Митрима Юркерта.

Мужчина, проверив документы, выдал Дарине бумагу, что она находится под опекой собственного новорождённого ребёнка, сообщил о наличии у её безвременно почившего супруга внушительного счёта в банке, взял обязательную пошлину и укатил восвояси.

Девушка, наконец, выдохнула с облегчением.

Пока малыш был мал, чтобы куда-либо переезжать, она, поддавшись на уговоры мачехи, осталась в лесу. Дни прохо-

дили за днями, хлопоты сменялись хлопотами, но всё чаще Дарина замечала, что состояние счёта в банке не даёт мачехе покоя. И так и сяк она подходила к ней на мягких лапках, предлагая обнулить его, но девушка оставалась непреклонна: деньги пойдут на обучение мальчика, гарантируя ему безбедное существование, а они вполне переберутся тем, что боги посылают.

Наконец, терпение мачехи лопнуло, и в лесном домике, якобы «погостить», появились Дьюк со своей матушкой. Мужчина был рослым, видным и, когда ему это было нужно, умел себя подать. Он заливался соловьём, расписывая их совместную жизнь, дарил полевые цветочки, да только не знал, что в сердце Дарины поселился невероятно красивый вампир, с одного взгляда похитив её наивное сердце.

Поняв, что всё происходящее неспроста, девушка пригрозила мачехе, что съедет немедленно, если её не оставят в покое. Только девушка, ещё не сталкивавшаяся с тем, насколько подлыми и низкими могут быть люди, не ожидала подобного от, как ей казалось, близкого человека.

Опоив Дарину какими-то дурманящими зельями, мачеха и свекровь отвезли её в город, где заставили подписать всё, на что указывали пальцем. В одночасье девушка оказалась замужем за Дьюком и без гроша в кармане. Документы о том, что Митя является сыном Юркерта, были благополучно «утрачены».

Дашу до глубины души возмутило то, что никто из чинов-

ников даже ухом не повёл на явно неменяемое состояние девушки, когда эти мошенники окручивали её. Как будто так и надо.

Когда же Дьюк, явив своё истинное лицо, впервые избил молодую жену, в девушке будто что-то надломилось. Будто это стало последней каплей, сломавшей ей волю. Она, трезво осознав, что помощи ждать неоткуда, стала блеклой тенью подобия прежней себя, и только маленький Митя удерживал её от того, чтобы не наложить на себя руки.

Выпала из этого тягостного сна-воспоминания Даша внезапно, как от толчка. И некоторое время лежала, пытаясь прийти в себя от бушующей в душе ярости на мачеху, Дьюка, свекровь и понять, что же её разбудило. Лишь когда движение повторилось, девушка, покрывшись холодным потом от ужаса, поняла, что находится в постели не одна. А этот кто-то, лёжа прямо за её спиной, крепким хватом обнимает её за талию.

Сердце рвануло вскачь, заставив всё внутри подпрыгнуть от животного ужаса: Дьюк вернулся!

Она ощутила, как крепкие мужские ладони вновь скользнули по её талии вверх, двигаясь по животу к груди, и скосила глаза, стараясь ни единым движением не выдать себя, что уже не спит. Но, к своему удивлению, Даша ничего не увидела.

Нет, проблема была вовсе не в том, что в комнате из-за отсутствия уличного освещения было непривычно темно. Вре-

мя близилось к рассвету, и за окном небо посветлело, наполнив комнату зыбким сумеречным светом, достаточным, чтобы различить предметы.

Она ничего не видела, потому что там *действительно* никого не было! Даша ощущала чужие руки, видела, как от их движения сминается одеяло, но сам охальник не наблюдался.

Поняв, что это не Дьюк, Даша выдохнула с облегчением и немного расслабилась. Наверняка, это просто игра уставшего от потрясений разума. Сонный паралич – кажется, так на Земле называется подобное явление. Даша расслабилась и стала терпеливо ждать, когда он пройдёт.

Когда показалось, что доселе неизведанная напасть оставила её, упрямый невидимка рывком перевернул её на спину и прорычал прямо в лицо:

– Верни моё Сердце!

Испуганное «ы-ы!» чуть не вылетело из её рта, но девушка вовремя вспомнила о спящем на лавке Мите и заглушила крик ещё на подступах к горлу. Тут же разозлилась на себя и странного гостя: не обязательно в эти «игрища» вовлекать ни в чём неповинного ребёнка!

В следующее мгновение «гость» соизволил проявиться. И Даша почувствовала, как сердце в её груди сделало кульбит, но уже далеко не от страха. Над ней нависал невероятно, демонически... нет, просто дьявольски красивый мужик! Если прельстившего Дарину вампира можно было назвать скорее аристократически смазливый, то этот пленил Дарью глу-

бокими чёрными глазами и несколько резковатыми, словно рублеными чертами лица.

В общем, он скорее был похож на злодея из какого-нибудь фильма, чем на слащавого главного героя, бегущего за героиней в обтягивающих рейтузах.

И сейчас это воплощение влажных фантазий Дарьи картинно гневно хмурил брови, хотя скорее выглядел несколько умилительно потерянным.

– Ты почему не кричишь? – наконец глухо буркнул он.

Дарья, подавив отчего-то неуместно растягивающую губы улыбку, мотнула головой в сторону Мити:

– У нас тут вообще-то ребёнок имеется. Давай вести себя потише?

Мужчина оглянулся на мальчика, но он спокойно спал, умиротворённо посапывая. Вновь посмотрел на Дарью и его глаза полыхнули алыми отблесками:

– Верни. Мне. Моё Сердце, – зло отчеканил, но девушка с удовлетворением отметила, что сделал это он в разы тише, чем в первый раз.

Он выглядел так реально, что Даша стала уже сомневаться, что это сонный паралич или как там его. Исходящая от мужчины опасность всё сильнее возбуждала её, и она была готова поклясться, что ещё чуть-чуть — и этот сон можно будет отнести к эротическим!

Только вот даже во сне она не собиралась бросаться на шею незнакомцу, склоняя его к разврату: не на ту напал!

Вместо этого она в картинной язвительности выгнула бровь и фыркнула:

– Будь это не так стрёмно, то я вполне могла бы решить, что ты таким образом признаёшься мне в любви, – он отшатнулся, и Даша констатировала: – Но, полагаю, ты имеешь в виду что-то совершенно другое.

Мужчина замер, обдумывая её слова, а Даша, почувствовав, что сон сейчас может прерваться, а незнакомец больше никогда не присниться вновь, торопливо прошептала:

– Позволь узнать, а ты кто?

Девушка ожидала услышать всё, начиная от демона и заканчивая драконом, но незнакомец, неожиданно весело хмыкнул:

– Домовой.

Она сложила губки и выдала долгое «о-о-о...», с удивлением отметив, насколько сильно развилась её фантазия: на домовёнка Кузю этот мужчина был совершенно не похож. Скорее уж из какой-нибудь, ну очень горячей истории с пометкой «восемнадцать – три икса»... И мысли Даши вновь понеслись в совершенно нецеломудренном направлении.

Тот, чуть склонив голову, с любопытством наблюдал за её реакцией.

– А как тебя зовут? – продолжила она допрос: заниматься сексом с кем-то, пусть в эротическом сне, но при этом не зная имени... Нет, она вполне приличная женщина, совсем-совсем не такая!

Он отчего-то опять хохотнул, показав Даше образующиеся возле рта умопомрачительные ямочки, лукаво приподнял бровь и предложил:

– А ты угадай.

Девушка чуть слюнями не захлебнулась: настолько сексуально и соблазнительно сейчас выглядел этот красавчик! О, да!.. Кажется, начинается... Эротический сон и всё остальное... Что это, как не начало прелюдии? Сначала угадай, как его зовут... потом раздень... потом накажи за плохую уборку... или чем там домовые занимаются?.. Ох...

Мысли с каждой картинкой в сознании становились всё пошлее и пошлее, и Даше силком удалось взять себя в руки, уняв взбесившееся либидо.

– Мра-а-ак, – выдохнула она, со стыдом озвучив творившийся в голове беспредел.

Мужчина вздрогнул, и озорная улыбка стекла с его лица, будто Даша ему кулаком в челюсть заехала. Девушка, заметив смену настроения, села на постели и протянула к нему руку, желая узнать, что она сделала не так, но красавчик отшатнулся, сухо бросил:

– Называй меня лучше Гордерик или Горд, – и прежде чем она что-то сказала, испарился.

Даша, недоумённо хлопая глазами, медленно оглядела комнату: так это был сон или нет?..

Глава 4

Мысли о красавчике-домовом и странном сне вмиг покинули её, когда, точно по часам, за снedyю припёрлась свекровь.

«Не выдержала гнилая душонка», – мысленно фыркнула Даша, косясь на неё с крыльца.

Старуха моментально учуяла несущийся из дома аппетитный запах: Даша с Митей только-только позавтракали. А следом углядела брызги крови от вчерашней курицы на пенёке и несколько пёрышек, предательски прицепившихся к траве.

– Ты, что, мою курицу зарубила?! – сразу с места взяла разгон на ор старуха.

– Нет, – откликнулась Даша, равнодушно взирая на багровеющее от злости её лицо.

– Да как же нет?! Ты, что, меня совсем за дуру держишь?! Я, что, по-твоему, кровь узнать не сумею?! – вопила бабка, тыча в сторону злополучного пенёка корявым пальцем.

– А-а, это... Так я вчера утром встала, смотрю, курица валяется. Видимо, хорёк задушил. Думаю, чего зря добру пропадать? Бошку ей отрубила, дала крови стечь, да и пустила в дело, пока она не протухла. А может быть, это был не хорёк, а лиса...

– Какая ещё лиса?.. – опешила от такой наглости свекровь.

– Из лесу, вестимо, – ехидно хмыкнула Дарья, указав на

возвышавшиеся за древней верхушки сосен и ёлок.

Бабка рефлекторно перевела взгляд в ту сторону, задумчиво пожевала губу, но тут её глазоньки узрели стоявшую на крылечке корзинку с яйцами, которую с утра успел уже собрать Митя.

– А чего это яиц так мало?! Должно быть больше: за вчера и сегодня! – взвилась старуха.

– Значит, точно хорёк, – наигранно сокрушаясь, покачала головой Дарья. – Эти звери до яиц уж больно охочи...

Свекровь поперхнулась воздухом:

– Да ты!.. Да я тебя!..

– Дорогая мама, не надо так голосить, кишки простудите, – перебила её девушка, вытащив из воспоминаний Дарины одну очень важную деталь. – Вот вы каждое утро в гости приходите с такими огромными корзинками, а я всё жду-жду, когда же вы мне в них долг-то принесёте? Стесняюсь спросить, а вы, случайно, про него не забыли?

– Какой ещё долг?.. – опешила бабка, но тут же заорала: – Ты что-то путаешь, малахольная, ничего я у тебя не брала!

– Ну, как же? – ядовито процедила Даша. – Как раз в день нашей свадьбы с Дюком вы, и ваш сын тоже, заняли у меня весьма крупные суммы денег. Так вот вопрос: вы отдавать-то когда думаете?

Хлопая ртом, женщина стремительно побледнела, а следом пошла пятнами.

– Смотрю, голос прорезался? Вот Дюк вернётся, надо

сказать, чтобы поучил, как со мной себя вести нужно, змею-ка подколотная!

Даша только набрала в лёгкие воздуха, чтобы ответить что-нибудь колкое, как прямо над ухом у неё шевельнулись волосы, будто от лёгкого тёплого ветерка, и знакомый мужской голос тихо сообщил:

– Он не вернётся.

Мурашки вновь, как и ночью, табунами побежали по коже, дыхание сбилось, а сердце сладко заколотилось в груди от ожидания прикосновения. Даша скосила глаза и никого не увидела рядом. Но по тону её отчего-то сразу поверилось, что Дьюк точно не вернётся. Потому что он мёртв.

Хм, а вроде она припоминала что-то такое, будто домовые умеют предсказывать будущее...

Помощь домового и весть о неминуемой кончине Дьюка придали Даше уверенность. Уперев руки в бока, как она привыкла делать с наглыми экспедиторами и грузчиками, посмеявшись привезти в еёсадик для еёдетишек гнилые фрукты и уже вовсю выгружавшими эту дрянь под дверь еёкухни, Даша изобразила на лице бульдозер и с не меньшей напором пошла на оборзевшую старуху.

– А теперь послушай меня сюда, карга старая. Ты можешь бежать и жаловаться, куда и кому хочешь. Но вот тебе моё слово: с этого момента ты ни единой крошки не унесёшь с этого двора, ясно тебе?

– Чего-о?!

– А того! Пока долг не вернёшь, я в полном праве считать, что это мой дом, мой двор, мой огород и вся скотина – моя! Но только запомни: процентики – тик-так, тик-так! – щёлкают! И кабы тебе не пришлось освобождать и тот дом, где ты живёшь, чтобы расплатиться со мной!

Старуха не выдержала и стала отступать к воротам, однако верещать не перестала:

– Я сейчас к старосте пойду на тебя пожалуюсь! У меня сын – герой! Его сам король на службу зовёт!..

– Отлично! Зови старосту! – продолжала напирать Даша. – Как раз и поговорим с ним на тему, что бывает с простолюдинами, посмевшими поднять руку на аристократов!

Свекровь выкатила глаза и завизжала:

– Да как ты смеешь на Дюка напраслину наводить?! Мой сын герой!..

– А мой – дворянин, – холодно перебила её Даша. – Если Дюк думал, что, украв у меня его метрику, можно безнаказанно колотить мальчишку, то я и его, и тебя вынуждена разочаровать: всегда можно выписать дубликат. А вот отрубленные руки-ноги-головы вам никто обратно не пришлёт, – увидев, что женщина посерела лицом, Дарья сухо изрекла: – Твоему сыну лучше не возвращаться в деревню, если хочет быть живым. Я больше не намерена терпеть вас обоих ни секунды. Как только Дюк переступит порог этого дома, я обращусь с жалобой, куда следует, и его вздёрнут, даже разбираться не станут. А следом и тебя как пособницу.

– Не брали мы у тебя никаких документов! – взвизгнула бабка, немедленно вылетая со двора. – У мачехи своей ищи! Та-кая же, как и ты, тварь беспутная!

Дарья подхватила корзинки, оставленные старухой, и вы-бросила их на улицу ей вслед, закрыв калитку на засов, что-бы больше никто не мог беспрепятственно войти во двор, и проворчала:

– Гавкай-гавкай, только злобой, смотри, не захлебнись на-смерть.

Он сам не понял, как и почему оказался в одной постели с женой Дьюка. Вывод был один – кулон находился у неё. И на последней капле энергии артефакт притянул Горда.

Чувствуя странный порыв, он крепче сжал её в объятиях, ощутив наполняющее его существо умиротворение. И лишь осознав, что девушка уже не спит, он одёрнул себя: пусть вернёт то, что ей не принадлежит!

Много ли нужно, чтобы подчинить женщину? Порой до-статочно неизвестности. Истинный вид он решил пока не яв-лять, чтобы бедняжка не умерла от страха, как это уже про-исходило неоднократно с другими.

Горд скользнул руками по закаменевшему от напряжения телу девушки, но она притворялась спящей. Тогда, потеряв терпение, Горд рывком развернул её, прорывав жутким то-ном «Верни моё Сердце!» прямо в лицо.

Реакция его поразила. Никогда прежде он не сталкивался с кем-то, кто не боялся его. Это сбивало с толку. Девушка и не думала паниковать. И чем дольше Горд разговаривал с ней, тем сильнее в нём разгоралось любопытство: невероятная!

Ради шутки он представился домовым и предложил угадать своё имя. Она с лёгкостью назвала его – Мрак. Именно так его и звали: Четвёртый Чёрный Всадник Тёмной Пустоши, Мрак.

Но откуда?! Неужели это столь очевидно?!

Нет, иначе его давно бы легко поработили. Тот же Дюк.

Горду требовалось время, чтобы всё осмыслить. Что-то странное творилось с девушкой. Она была будто сама не своя. А энергия, что исходила от неё при общении, позволила Горду подзарядить артефакт достаточно для того, чтобы не испытывать дискомфорта. Может быть, она ведьма? Он решил притаиться и посмотреть, что жена Дюка намерена делать с кулоном.

Утро началось, на первый взгляд, так же, как и всегда. Но настороженно наблюдавший за ней Горд цепким взглядом выявлял несходство за несходством: горделивая осанка, уверенные движения – а это точно та женщина, что он ожидал вчера? Она вся лучилась светом, особенно когда готовила или беседовала с мальчиком. Магия в ней точно была, девушка просто фонтанировала ею.

Подозрение Горда о нахождении в теле совершенно дру-

гой души подкрепилося, когда пришла старуха, мать Дьюка. Прежняя владелица на неё даже глаз поднять боялась, не то чтобы что-то сказать поперёк, а эта с порога припечатала бабу.

Девушка оказалась остра на язык, за словом в карман не лезла, чем весьма повеселила Горда и окончательно развеяла сомнения: жена Дьюка умерла, её душа отправилась дальше по реке перерождения, а тело при исцелении заняла другая женщина. И, судя по странным словечкам, она принадлежала не этому миру.

Горд решил, что это знание, в случае чего, можно будет использовать для шантажа: переселенцев здесь не жаловали пуще тёмных магов. Узнает кто — и девчонке снесут голову, не задумываясь. Горду же было безразлично, из какого она мира. Его волновали только возвращение артефакта и исполнение возложенной на него миссии: воспитать сильнейшего тёмного мага, который объединил бы Тёмную Пустошь и близлежащие королевства в одно.

Точно в попытке развеять тревожную ауру, охватившую двор и дом после ухода старухи, девушка напевала что-то незатейливое, мимоходом привлекла к этому занятию и мальчишку. Сперва он смотрел на неё с укором, явно намекая на свой недуг, но мать была непреклонна:

— Пой о том, что видишь.

— На-ам тепе-ерь ка-юк, — скептически огрызнулся мальчик протяжным воем и замер, вытаращив глаза и тыча пальцем

на горло: – П!.. п!.. п... – но без пения, как и прежде, изо рта вырывались только отдельные глухие звуки, будто что-то внутри плотиной преграждало реку слов.

Девушка рассмеялась и потрепала его по голове:

– Пой, Митя, пой! Очень скоро твой рот привыкнет говорить, и пение больше не понадобится.

– Правда-правда? – пропел мальчик более приятным голосом и опять замер от того, что получилось.

– Видишь, я не вру, – весело прошептала она на его мотив.

Что-то тёплое разлилось в Горде: а ведь она, не применив магию, почти вылечила пацана! Удивительная...

Кулон нашёлся в доме под кроватью, когда девчонка мыла полы. Она подняла его, разглядывая, и Горд напрягся: артефакт такой мощи порождал в людях желание обладать им, оставить себе... Вот и Дюк не смог противиться призыву Тёмного Сердца...

Горд ждал её дальнейших действий, а когда девушка сунула кулон в карман платья, чуть вслух не вздохнул от разочарования: такая же, как и все людишки...

Радовало лишь одно – теперь он знал, где находится кулон, и этой же ночью хотел вернуть его себе. Чтобы не упустить момент, если девица удумает его припрятать, весь день таскался за ней как привязанный, ни на мгновение не оставляя одну и глаз с неё не спуская.

Но вечером, к удивлению Горда, девчонка не торопилась

спать. Уложив ребёнка и дождавшись, когда с лавки донеслось умиротворённое сопение, зажгла свечной огарок. Стараясь не громыхать, пододвинула к столу два стула, налила из пузатого чайника в две кружки отвар.

Горд с интересом ждал продолжения: что намерена делать? Призыв и связывание контрактом? Или как Дюк, исполнения желаний?

Его подозрения почти оправдались, когда сев за стол, девушка достала из кармана артефакт и задумчиво повертела его в тонких пальцах. Но в следующее мгновение она опять его поразила, прошептав:

– Домовой Гордерик, если ты меня слышишь, проявись, пожалуйста, – и вид при этом у неё был столь серьёзный, что он чуть со смеху не покатился.

Ох, ну как можно отказать тому, кто так мило просит?

Приструнив накатившее веселье, придал лицу строгое выражение, обрёл видимость и хлопнулся на свободный стул. Чтобы она точно поняла, как Горд недоволен тем, что его потревожили, сложил руки на груди и нахмурился.

– Чего звала? – нарочито сердито буркнул, но всё же не удержался от ехидцы: – Чего изволишь, хозяйюшка?

Девушка пару раз недоумённо моргнула и еле слышно пролепетала:

– Так это был не сон... – затем взяла себя в руки, пододвинула артефакт ближе к нему и не то спросила, не то констатировала: – Кажется, это твоё? Забирай.

Гордерик недоверчиво уставился на Тёмное Сердце: а как же страсть к обладанию? Неужели артефакт не имеет над ней власти?

Он протянул к нему руку, но кулон коротким разрядом магии ударил его, сообщив, что просто так не дастся: она знала истинное имя Горда, полноправно владела артефактом, перешедшим ей по наследству после смерти мужа, и магия требовала откуп.

– Чего ты хочешь взамен? – сдался Горд.

– Жить не выходя замуж за мужчину. Не зависеть от воли какого-либо мужчины, я имею в виду. И, желательно, жить очень хорошо... Но, боюсь, в этом мире это невозможно... – горестно вздохнула девушка, буравя задумчивым взглядом пространство перед собой.

Цена была озвучена, что кулон ознаменовал короткой вспышкой тьмы. Проклятье! Что с этой женщиной не так?! Разве сложно было пожелать золота или вечную молодость, как это делают остальные?!

– Мне нужно время, чтобы подумать, – попросил Горд.

– Не парься, это были мысли вслух. Бери просто так, он же твой, – она придвинула его ближе.

Это было так просто и естественно... «На, возьми, он же твой»... Кажется, она не до конца понимала, какую власть имела над Гордом. Но отчего-то ему подумалось, что, даже зная это, она всё равно не стала бы неволить его ради своей выгоды. Удивительная...

– Пусть пока побудет у тебя, – мягко улыбнулся Горд. Она пожала плечами, всё так же не глядя на артефакт, а что-то прокручивая в голове, поэтому ему пришлось настаивать: – Мне было бы приятно, если бы ты носила его не снимая...

Тут девушка вперилась в него и густо покраснела. Фыркнула, скрывая смущение:

– Полагаю, ты опять совершенно не то имеешь в виду.

Горд, тоже почувствовав себя неловко, поспешил соврать:

– Этот артефакт сломается, если у него не будет постоянного контакта с... с человеком...

Девушка облокотилась о стол, с озорным любопытством сверкнула глазами и подпёрла щёчки кулачками:

– Он ведь не твой, не так ли? Раз его должен носить человек, то такой вывод напрашивается сам собой.

Горда восхитила её сообразительность. Поразмыслив, он решил, что можно подпустить её к тайне поближе.

– Как тебя зовут?

– Даша, – ответила она, не задумываясь, но тут же исправилась. – То есть Дарина.

– Послушай, Да-ша. Я привязан к этому кулону. А он, в свою очередь, предназначен кое-кому. Дьюк украл артефакт, чем весьма, не скрою, разозлил меня, – Горд старался говорить медленно, увидев, что девушка внимательно слушала его и взвешивала в уме каждое слово. – Своими действиями твой муж смешал карты очень значимым силам этого мира...

– Этот негодяй — мне не муж! Надеюсь, ты не думаешь, что я была с ним в сговоре?! – вскинулась Даша и покосилась на посапывающего сынишку, опасаясь его разбудить.

– Это я уже понял, – миролюбиво улыбнулся Горд, желая успокоить её. – Поэтому и прошу взять кулон на сохранение, пока я не придумаю, как всё исправить, – поразмыслив, добавил: – Это было бы очень любезно с твоей стороны.

Она шумно пофыркала, хмурясь и о чём-то размышляя. Затем, приняв решение, взяла артефакт и надела на шею, прокомментировав:

– Что ж, выходит, выбора у меня особого нет, раз мы стараниями этого мерзавца оказались в одной упряжке. В таком случае кулон, и впрямь, лучше держать поближе, чтобы не потерялся...

Горд учтиво кивнул и поднялся из-за стола, собираясь стать невидимым.

– Прошу, выпей чаю, – умоляюще посмотрела на него Даша. – Или, может быть, хочешь поесть?..

Ему стало ясно, что ей не хочется, чтобы он уходил. И Горд... остался. Разве мог он отказать, когда она так трепетно смотрела на него? А ведь Даша была вправе и приказать: пока плата, обозначенная магией, не поступила, девушка вполне могла требовать за задержку что-нибудь сверх оговоренного. Но она ни единым жестом не дала понять, что считает Горда обязанным себе.

Он с удовольствием воспользовался предоставленным

шансом, чтобы узнать у Даши, из какого она мира. Когда решив, что через Горда сможет узнать этот мир, девушка поняла, что её иномирство для него не секрет, сдалась и предложила сыграть в игру: она отвечает на его вопрос, а он взамен — на её. Какая-никакая память мага ещё была жива в его сознании, и Горд согласился.

Они проболтали очень долго, свечной огарок почти догорел. Горд с удивлением слушал о мире, в котором совсем нет магии, но при этом железные машины летают по небу и едут сами по земле без лошадей. Ему стало ясно, почему Дашу так тревожила необходимая зависимость от мужчины: в её мире женщины вольны сами выбирать судьбу, и если они желали жить без мужа, вполне могли обеспечить себя и даже рождённых вне брака детей, никто не корил их за подобный выбор.

Девушку весьма опечалил тот факт, что и в ближайших королевствах такой же уклад, что и в этом: у женщины должен быть муж. Или опекун.

– И почему я не переродилась мужчиной?! – в сердцах воскликнула она. – Мало того, что денег ни монеты, так ещё и это!

Крохотная мысль зародилась в сознании Горда, но он не стал обращать на неё внимания: столько всего требовало тщательнейшего обдумывания, что у него голова шла кругом!

Заметив, что девушка устала, сонно хлопает глазами и

разве носом не клюёт, Горд простился и исчез. А дождавшись, когда Даша легла в кровать и задышала размеренно, выскользнул из дома бесплотной тенью и стремительно полетел со двора, пока не наступило утро.

** *

Сперва тяжёлый, мрачный сон сменился каким-то лёгким, но Даша ни первый, ни второй не запомнила, расслабленно вынырнув в зыбкую дрему, приятно обволакивающую её ощущением спокойствия, уюта и защищённости. Когда движение повторилось, она испуганно распахнула глаза, но тут же, одёрнув себя, что это точно не Дюк, смежила обратно веки.

Горд крепче обнял её, вжав в себя, и Даша завозилась, ощутив, что в ней зародился огонёк желания. Ещё чуть-чуть — и длинную ночную сорочку, сбившуюся комом между ног, можно будет выжимать.

— Горд... — тихо позвала она, и её голос прозвучал предательски хрипло.

— М-м? — проурчал он, почти касаясь губами нежной кожи на шее под её ухом.

— Ты опять в моей постели, — попыталась наигранно проворчать, чтобы это прозвучало недовольно, но от колотившегося в груди сердца ей не хватило воздуха, и получилось какое-то пошлое придыхание на грани стоны.

— Угу. Спи, — невозмутимо откликнулся Горд, крепче сжав

и уткнувшись носом ей в затылок.

Даша чуть не застонала, когда его по-мужски сильная ладонь стиснула ставшую чувствительной грудь со сжавшимся в болезненный комочек наверху. Девушке потребовалась пара секунд, чтобы взять себя в руки: это не то, что ей кажется! Горд, скорее всего, даже не понимает, как на неё влияет. Вроде бы, если ей правильно помнилось, домовые не размножаются как люди.

Даше показалось, что ей нужно срочно восполнить этот пробел в знаниях, пока она не стала тереться об него, точно кошка, выпрашивая ласку.

– Горд...

– М-м?

– А как домовые появляются на свет?

Он приподнялся, заглядывая ей в лицо, и Даша повернулась, тоже всматриваясь в него, чтобы не пропустить ни единой эмоции. Горд молчал, задумчиво скользя по ней умопомрачительными чёрными глазищами, и девушка порадовалась, что комнату наполнил предрассветный сумрак и не так видно, как кровь прилила к её щекам.

– Мы просто появляемся. Возникаем и начинаем существовать, – наконец ответил Горд, не поняв, чего она от него хочет.

Секунду помолчав, покусав нижнюю губу, девушка решила спросить ещё раз.

– А живёте вы как? Одни? Или с кем-то?

Он хохотнул, явив ей соблазнительные ямочки:

– Конечно же, всегда с кем-то! Я вот, к примеру, живу с тобой...

Это стало последней каплей. Рассудив, что словами от него ничего не добиться, Даша привстала, потянулась и легонько поцеловала его в губы.

Он окаменел, ошарашенно уставившись на неё, и Даша уже почти успела пожалеть о том, что сделала, как неожиданно Горд впился ей в губы ответным жгучим поцелуем. Навалился, подмяв её, отрываясь лишь для того, чтобы с шумом втянуть в себя воздух и вновь с жаром прикинуться к ней.

Горд вёл себя так, будто у него давно не было женщины. Вернее, никогда. Даша пришла в восторг от такого напора: о, да, красавчик! Не нежничай! Со стоном выгнулась, подставив под его жалящие укусы-поцелуи шею, и заскользила руками по его телу, забыв о том, почему Горд в постели полностью одет.

Желание накрыло её с головой, вырывая из горла стон за стоном, всхлип за всхлипом, а он всё никак не делал попыток продвинуться дальше, удовлетворяясь только поцелуями. Тогда Даша, дрожа от нетерпения, вновь взяла дело в свои руки: скользнула ладонью по его торсу, опустила ниже, на его брюки, и... замерла. Там, под тканью штанов, отсутствовало то самое напряжение, которое реакцией тела отражало бы неистовство Горда.

Даша открыла было рот, чтобы поинтересоваться у него, а

где, собственно..? Однако на лавке завожился Митя, шумно вздохнул и что-то проворчал во сне.

Горд тут же отшатнулся, и его с постели как ветром сдуло: он соскочил и моментально растаял в воздухе. А Даша чуть в голос не застонала: совсем про ребёнка забыла, бесстыжая!

Девушка хлопнулась обратно в постель, укрывшись одеялом с головой и чувствуя, что готова сгореть со стыда: беспутная! Это надо же было додуматься приставать к домовому!

Ощущая, как отчаянно пылает лицо, Даша понимала, что было что-то не так. Какое-то зудящее чувство не давало ей покоя, вынуждая прокручивать в голове моменты вечернего чаепития с Гордом и поцелуями по кругу. Раз за разом. Снова и снова. До тех пор, пока её не осенило: вот оно!

Она даже подскочила и села на постели: как всё просто! А ведь Горд не просто так шумно дышал! Не от того, что не может справиться с дыханием, вовсе нет. За столом она думала, что он шумно дует на чашку с отваром, хотя напиток давным-давно остыл. Но Даша так увлеклась беседой, что не обратила на это внимания. И лишь сейчас поняла, что Горд не *выдыхал*, как ей показалось, он *вдыхал*!

Втягивал в себя нечто, незримое и непонятное для неё. Но если учесть, что отвар он так и не пригубил, выходило... что он питался энергией? То есть и тогда, и сейчас, когда она сгорала от томления... Горд её банально жрал?!

Обида за себя и злость на Горда в удушающей судороге

сжали её горло: ах, он негодяй! Пусть только попробует ещё раз забраться к ней в постель, и она такую пощёчину ему влепит, мало не покажется!

Эмоции бурлили в груди, и Даша поняла, что не сможет больше уснуть. До подъёма оставалось всего ничего, и девушка решила больше не разлёживаться и хотя бы натаскать воды в баню. Раз у неё нет возможности отомстить обидчику, то Даша отыграется на грязном белье: ух, и настирает же она его! Каждому пятнышку покажет, кто здесь хозяин!

Глава 5

Когда большинство дел было переделано, Даша устроилась во дворе в тенёчке с кружкой отвара, уныло разглядывая стёртые с непривычки от ручной стирки костяшки на руках. Буря в груди улеглась, оставив после себя глухую досаду: что она вообще ожидала от домового?

Да, Горд, как дух, питался энергией, и что такого? Хвала высшим силам, что не кровью, как вампиры. К тому же, если хорошенько пошебуршить в памяти, то можно вспомнить, что домовые, ко всему прочему, относятся к нечистым духам. А что является характерной чертой всей нечисти? Правильно, смущение ума лживыми надеждами. Если коротко, они по своей природе вруны.

Решив, что отныне она постарается не обращать внимания на привлекательный внешний вид и будет держать ухо с Гордом остро, Даша немного успокоилась.

И только-только девушка стала безмятежно наслаждаться солнечным утром и тем, какая она, умница-красавица, с утра пораньше всё успела, как калитка закрипела, и во двор зашёл старик, хмуро зыркавший по сторонам. А из-за его спiny настороженные взгляды на Дарью кидала свекруха.

Цыкнув с досады, что, когда таскала воду для стирки, позабыла прикрыть засов, Даша нехотя поднялась, чтобы встретить непрошенных гостей. Память Дарины очень

услужливо подсказала ей, что старик не кто иной как староста.

Девушке очень не хотелось пускать эту парочку в дом, но ссориться с местной властью тоже было не с руки. И Даша, натянув на недовольно кривящееся лицо более-менее приличествующее выражение, позвала «гостей» пить чай.

Рассадив их за столом, налила в кружки отвар и присела сама, ожидая объяснений, какого лешего их черти принесли. Но, судя по плохо скрываемой ехидной улыбочке свекрови, она всё-таки нажаловалась старосте на Дашу. Стараясь держать невозмутимый расслабленный вид, девушка внутренне подобралась, приготовившись отражать атаки.

– Что ж ты, Дарька, старость совсем не уважаешь? – сразу с обвинений начал разговор староста. – Муж только за порог, а ты его мать лупцевать удумала?

Старуха тут же наигранно заохала, прижав ладонь к виску и словно нянча больную голову. От такого наглого поклёпа брови Даши взлетели к потолку, она открыла было рот, чтобы возмутиться, но старик сделал жест рукой, призывая её помолчать.

– Уж не знаю, в каких городах-хоромах ты обитала, но у нас тут наказание за измывательство над стариками простое: привяжем к позорному столбу на площади да кнутами объясним наши правила.

– Она ведь меня вот так за волосы схватила и головой!.. Головой!.. – завывала свекровь, изображая находящуюся при

смерти. – Ох-ох!.. А я ведь всего лишь зашла яичка куриного у неё попросить... Одно яичко!.. Недельку потому что не ела... лежала, болела... И некому мне было даже воды поднести...

– Врёт она всё! – не выдержала Даша. – Не была я её! Запретила лишь корзины со снедью со двора выносить, пока долг не вернёт! Она деньги, что моему сыну по наследству от отца остались, возвращать не хочет...

– Вот что, девка! – гаркнул старейшина, хлопнув ладонью по столу. – Ты напраслину-то мне здесь не наводи! Я Гамретушку с детства знаю! Бумага у тебя имеется, что она у тебя деньги взяла?!

Дело стремительно набирало нехороший оборот. Даша замерла, опешив, с какой лютой ненавистью на неё сверкали глазами старик и разве что слюнями не брызгал. Ей тут же вспомнилось, что Дюк со свекровью Дарину на улице обкрутили, сразу после того, как они счёт в банке обнулить её вынудили. И иных доказательств, кроме слов, у Даши не имелось.

Ко всему прочему ей стало ясно как божий день, что староста заведомо на стороне свекрови. «Гамретушки», как он выразился.

– Вот то-то же, – удовлетворённо хмыкнул староста, увидев, что Даша захлопнула рот и поджала губы. – А по поводу твоего дворянчика... в твоих же интересах, чтобы народ не прознал, что твой убогий по рождению аристократ. У нас тут

их не любят. Если сейчас его только мальчишки колотят, то после может статься, что найдёшь его однажды придушенным в канаве... Понимаешь, о чём я?

Кровь отхлынула от лица Даши, когда она услышала неприкрытую угрозу в голосе старосты. Алый муар застил сознание: да как он смеет угрожать Мите, пенё трухлявый?! Она приподнялась, обводя гневным взглядом скривившегося старика и ядовито хмыкавшую свекровь, на удивление больше не помирающую.

Староста тоже привстал, потянулся и злобно прошипел Даше в ухо:

– Собирала бы ты своего барчонка да валила бы из моей деревни куда подальше: не будет вам здесь места, покуда я жив!

Девушке было непонятно, откуда в нём такая ненависть к ней и Мите, но отчего-то осознала сразу: старик не шутит. Она только набрала в грудь воздуха, чтобы послать и его, и свекровушку в дальние дали, как под окном кто-то пробухал тяжёлым шагом. Затем жалобно заскрипело крыльцо, дверь отворилась, и внутрь ввалился... Дюк.

– Это что это за столпотворение в моём доме?! – с порога рывкнул он и обвёл всех тяжёлым взглядом, словно каждого кувалдой припечатыв. – Я проезжал мимо, решил заехать, отдохнуть, а вы тут голосите так, что вас за околицей слышно!

Ощувив, как от ужаса отнялись ноги, Даша осела на стул,

не в силах вымолвить ни слова. Если бы она в этот миг посмотрела, то легко бы заметила по серым лицам старосты и свекрови, что знатно перетрухнула не только она.

– Ты что это, старый пёс, клинья к моей жене подбивать вздумал?! – надвигался на них Дюк, сверкая чёрными глазами, в которых Даше почудились красные всполохи. – Я за порог, а ты припёрся, паскуда шелудивая?! Бабы дохлую курицу поделить не могут, а ты и рад?! Примчался, как на пожар, и давай мою молодуху запугивать?! Не смей мне перечить! Я всё слышал!

Старейшина поперхнулся воздухом и закашлялся, но тут в себя пришла свекровь и заняла:

– Сыночек! Как хорошо, что ты вернулся! Она ведь меня жестоко избила вчера!.. По голове!.. Ох, чувствую... там что-то сдвинулось...

Когда сошла первая волна страха, что тело Дарины до животного ужаса вбил этот скот, Даша уловила некоторые нестыковки, которые, чем дольше она разглядывала Дюка, тем становились заметнее. И через пару секунд она была готова с уверенностью сказать: человек, сейчас находящийся в доме, — не её муж! Не Дюк!

– Вчера так избила, что сегодня ты уже и до старосты добралась, и сюда вместе с ним прискакала? – злобно ухмыльнулся «Дюк». – А может, это не она? Может, это ты сама с лавки упала? Сдвинулось что-то, говоришь? Может, потому и путаешь?

Даша, как зачарованная, смотрела на мужчину, сопоставляя в уме: у Дьюка глаза блекло-серые, а у этого — тёмно-карие, почти чёрные; у Дьюка волосы что выжженная солнцем солома, а у этого — цвета тёмного шоколада... И с каждой секундой девушка чувствовала, как спадает с глаз морок и замирает сладко сердце в груди от узнавания: да это же Горд, как есть Горд!

– Сыночек... ты что такое говоришь?.. Эта зараза меня ударила, а ты... – проямлила старуха, и Даша удивилась: она же мать, как может не замечать, что это не её сын? А где пресловутое «материнское сердце не обманешь, оно всё чувствует»?

– Сперва «жестоко избила», теперь просто «ударила»... – ехидно хмыкнул Горд. – Точно что-то сдвинулось. Давай я тебе с другой стороны отвешу, чтобы на место встало? Ты тогда сразу вспомнишь, как было и что было...

Женщина изменилась в лице и шарахнулась в сторону. Горд-«Дьюк» на это скривился и направился к Даше. Она поднялась, и он тут же сомкнул её в объятия, целуя и очень знакомо шумно дыша – втягивая воздух.

Сердце тут же пустилось вскачь, а ноги предательски ослабли, отказываясь держать задрожавшую от сладостной истомы Дарью: да что же это такое?! Почему она так бурно на него реагирует?!

Староста и свекровь в гробовом молчании уставились ошарашенно, и Горд на них гневно зыркнул:

– Вы ещё здесь?! Не видите, я по жене соскучился? – повернулся и, лукаво сверкнув искорками в чёрных глазах, нежно улыбнулся девушке, нежно погладив её по щеке. – Милая, я пойду гостей провожу и сразу вернусь. А ты пока собери что-нибудь на стол.

Старики нехотя поплелись к выходу. На пороге свекровь обернулась и с ненавистью прошипела застывшей на месте Даше:

– Опоила чем-то моего сына, змея подколотная?! Тебе это так просто с рук не сойдёт!

– Хватит. Идём, поговорим во дворе, – глухо буркнул Горд, подхватил её под локоть и почти силком вывел на улицу.

Честное слово, Даша совсем-совсем не собиралась подслушивать, а тем более подсматривать! Это получилось как-то само.

Стоило только голосам зазвучать у калитки, как она приникла к окну. Староста, не желая дальше участвовать в семейных разборках, сразу ушёл. Свекровь оказалась настойчивее и, судя по тому, как она схватилась за руку Горда и заискивающе заглядывала ему в глаза, пыталась образумить внезапно вставшего на сторону невестки сына. Визгливым голосом увещевала его, что это всё морок, наведённый ведьмой, и её, Дашу, следует хорошенько проучить, чтобы установить прежний порядок.

Девушка залюбовалась терпением домового: Горд глухо

огрызался, пока, наконец, не выдержал и рывкнул на старуху:

– Пока меня нет, чтобы ноги твоей тут не было! Я не собираюсь разбирать ваши бабские склоки! И только попробуй мне на неё ещё раз пожаловаться!

После этого свекровь картинно разрыдалась и с видом глубоко оскорблённой невинности выскочила со двора. Калитка всё это время была настежь открыта, и сие занимательное шоу наблюдали все кому не лень.

Горд закрыл её, не забыв задвинуть засов, и направился к дому, а Даша заметалась, опять ощутив сердцебиение и дрожь. Отчего-то ей не хотелось предстать перед ним в таком виде: с горящими глазами, пылающими щеками и едва не заикающейся с нервов.

А как ей чувствовать себя иначе? Ведь Горд, положив руку на сердце, её сегодня спас! Неизвестно, до чего бы дошла их перепалка со стариком, но даже намёки на то, что с Митей может случиться беда, Даша не намеревалась спускать. Перед тем, как Горд появился, она была готова вцепиться в горло мерзкому старику и выцарапать глаза свекрухе, защищая мальчика. Потому что, да! Он её сын! И она никому не позволит обижать Митю!

Время шло, но Горд в дом так и не вернулся. Даша ещё немного поизображала великую занятость, убрав, вымыв кружки и стол, а после не выдержала и выглянула во двор. Горда нигде не было.

В груди Даши завозило беспокойство, и она сжала ладо-

нью доверенный на сохранение Гордом кулон: что-то случилось? Не зря же он её целовал-пил прямо при всех? Может быть, ему не хватило энергии? Ведь, если ей верно помнится, домовые всегда показываются только ночью и то одному человеку. А Горду, чтобы вступить за неё, пришлось проявиться днём и навести морок сразу на двоих.

Может быть, он так ослаб, что ему стало нехорошо? Домовые вообще склонны терять сознание? Или они от бессилия впадают во что-то вроде спячки?

Девушке стало стыдно за свои предрассветные мысли: если ему так нужна энергия, то ладно, пусть уж целует! Она была так благодарна Горду за помощь, что теперь была согласна подставлять губы по первому требованию, лишь бы он и дальше защищал их. Возможно, если бы он иногда притворялся Дьюком, ей удалось бы потянуть время чуть дольше и решить проблему с монетами, чтобы уехать с Митей из деревни. Староста не зря обмолвился — не будет им с Митей тут жизни, не дадут! Но всё получится только в том случае, если с Гордом всё в порядке...

Кулон под её пальцами на груди еле заметно пульсировал. Бился, будто и впрямь тёмный камень в нём был сердцем... Но так редко, как если бы огонёк жизни в нём еле теплился.

В отчаянии Даша сжала его крепче в ладонях, направив в артефакт своё тепло, энергию и мысленно взмолившись: «Горд, миленький, не оставляй нас!»

И тотчас пульсация кулона усилилась, словно ритм «серд-

ца» пришёл в норму, и оно ожило. А Даша крепко уверовала, что теперь всё будет хорошо.

Решив дождаться вечера, чтобы поговорить с Гордом и обсудить эти планы, Даша, в попытке унять взвинченное состояние, взялась за борьбу с сорняками. Траву она относила на хозяйственный двор живности: и поросята, и гуси, и даже куры с энтузиазмом отнеслись к внеочередной кормёжке.

Когда она в очередной раз проходила мимо сарая, её внезапно схватили, грубо зажав ладонью рот, и затянули внутрь, в самый дальний, мрачный, угол. Она отчаянно залягалась, вырываясь из хватки напавшего здоровяка. Кажется, судя по глухому стону, ей даже удалось попасть по ноге разбойнику.

– Даша, тише, – бархатно прозвучал голос Горда, заставив сердце девушки сделать кульбит и заколотиться чаще, но совсем не от страха. – Дашенька, милая... Испугалась? Прости...

Его губы жалящими поцелуями покрыли шею, вызвав у неё протяжный стон, и она порадовалась, что ладонь Горда по-прежнему закрывала ей рот: совсем близко к сараю, в теньке от раскидистых яблонь и груш, с цыплятами играл Митя, выискивая для них в рыхлой земле червячков и напевая что-то весёлое.

Горд повернул её, вжав в себя и наклонившись, собрался накрыть её губы своими, и Даше стоило усилий, чтобы не ухнуть в омут его глаз.

– Горд... – просипела она на остатках разумности, немно-

го отстранившись: – Горд, ты, что... пьёшь меня?..

Он замер и обеспокоенно нахмурился:

– Да... А в чём дело? Тебе больно? Ты после этого чувствуешь себя плохо? Скажи, и я больше не прикоснусь к тебе...

Даше стало невероятно приятно, что Горд тревожился о ней. Она прислушалась к своим ощущениям, припоминая что-либо подобное, но обнаружила, что, наоборот, после поцелуев Горда чувствует небывалый подъём. Взять хотя бы утро: ох, как же хотелось ей взять палку и хорошенько поколотить его! И плевать, что перед этим пришлось бы долго побегать за ним по двору: Даша чувствовала в себе столько энергии, что не сомневалась – она догонит.

– Нет, всё в порядке... Я хотела сказать спасибо, что прикинулся Дьюком... Ты можешь целовать меня, раз тебе это так нужно... – девушка ощутила, как отчаянно краснеет и отвела глаза в сторону. Но потом решилась и выпалила: – Ты можешь даже делать и больше, если хочешь!..

Она спрятала пылающее лицо в ладонях, окончательно ощутив себя падшей женщиной: она предложила Горду себя! Сама! Бесстыдница...

– Даша... – мягко позвал Горд, ласково погладив её по руке, побуждая посмотреть на него. Но она замотала головой: ей было невыносимо стыдно! И не было сил слушать, что домовым подобное, что она предложила, вовсе и не нужно... – Ох, Тьма... Дашенька, что же меня так тянет-то к тебе? Я не

буду сейчас играть в благородство, если ты на это надеешься. Оно не в моей природе. Я просто возьму то, что ты мне сама предложила...

Будь Даша сейчас хоть немного в себе, её бы наверняка до чёртиков испугали его слова, произнесённые с каким-то странным рычанием. Но желание, неукротимым пламенем бесновавшееся по венам, окончательно лишило её разума.

Горд, бесстыдно задрав на ней юбку, скользнул ладонями по голым бёдрам, сжал её ягодицы и приподнял, вынудив девушку вцепиться пальцами в плечи и обхватить ногами талию. Глаза Даши сами собой распахнулись, и она восхищённо замерла, затаив дыхание: Горд, сверкающий на неё чёрными с алыми всполохами глазами, выглядел неимоверно, просто восхитительно сексуальным злодейским злодеем!

Она наклонилась и прильнула губами к его рту, трепеща каждой клеточкой от нетерпения. Он ответил с жадным голодом, словно до этого всё время сдерживал себя, а теперь не видел больше смысла таиться. Полностью пленил, крепко прижав девушку и тихо порывкая от победы.

Отпускалишь для того, чтобы шумно вдохнуть-испить её энергии, её света, с кристальным звоном наполнившего крохотный сарайчик. Лизал, покусывал и терзал губами нежную кожу на её шее, груди и плечах.

Позже наверняка вылезут предательские бордовые пятна, но сейчас Даше было всё равно: он довёл её почти до исступления ласками, и девушка не могла припомнить, кто ещё вы-

зывал в ней подобный шторм. Ураган. Смерч. Самум в раскалённой пустыне. Где Горд был дождём, первыми каплями, упавшими на плавящуюся от зноя землю. Такими болезненными, но при этом желанными и долгожданными.

Даша уже в кровь искусила губы в попытке заглушить стоны, но они всё равно вырывались лёгкими всхлипами. И когда его пальцы скользнули по её сокровенному, девушка выгнулась от остроты ощущений, стала тереться об него: направляя, показывая...

Горд чутко улавливал каждый её вздох, каждое движение. Её магия пьянила его, кружила голову. А тьма, бурлившая в нём, требовала: ещё! Дай ещё! И он пил, дрожа всем существом.

Взрыв её чувственности, экстаз накрыли его с головой, напаяв до краёв энергией и его, и артефакт, и ещё больше расплескалось вокруг, повиснув в воздухе крохотными искорками. Вскрикнув, девушка замерла и обмякла в его руках, и Горд крепче прижал её к себе, слушая стук успокаивающегося сердца. Одновременно он пытался унять своё естество, кипящее в тёмной алчности: присвой её, заberi всю!

Именно так теперь он и собирался поступить: Горд не отдаст Дашу никому, слишком ценна эта девушка.

А ещё ему очень хотелось узнать, что он почувствует, лаская её, когда вернёт себе тело... В памяти мага, на удивление, был лишь единственный момент близости с женщиной, но и тот был так сильно смазан, словно Махонад был не в

себе или крепком подпитии. Любопытство Горда не унималось этими жалкими обрывками, он хотел ощутить всё сам. Осталось дело за малым – вернуть себе тело.

Да, и миссия... Чем дольше Горд раздумывал, как выполнить задание, тем увереннее приходил к выводу, что с огромной вероятностью с удовольствием всё провалит: чем ближе он узнавал людишек, тем больше понимал, что презирает их, ненавидит.

Кроме Даши и Мити. Они не в счёт. И Махонад. Он был нормальным парнем. Жаль, что с ним обошлись так жестоко.

Но если короли, герцоги и прочие, кто обосновался в столице, такие же смрадные твари, как Дюк, или его приятели из гильдии, или как его мать и старик-староста, или те, кто измывался над несчастным тёмным магом, отдавшим ему своё тело, то Горд ни капли не пожалел, если бы их всех сожрали порождения Пустоши.

Но миссия?... Что делать с ней? Ведь это было Его желание...

Что-то вспыхнуло на краю сознания Горда. словно какое-то решение, но из размышлений его выдернула Даша:

– Ох, как же тяжело без водопровода! – вздохнула она и пояснила: – В моём мире кран открыл — и горячая вода в ванну потекла. А здесь... пока в баню натаскаешь, пока нагреешь... уже не мыться, а сдохнуть хочется!

Горд аккуратно отпустил её, бросил взгляд в самый мрачный угол сарая и заметив там притаившееся мелкое порожд-

дение Пустоши, улыбнулся Даше:

– Дай мне пять минут, а потом приходи в баню: будет тебе вода, – а на широко распахнутые глаза поцеловал кончики пальцев на её руке и торжествующе хмыкнул: – Иди-иди, посмотри, как там Митя, а после сможешь искупаться. Верь мне.

Он подтолкнул её к выходу, и Даше ничего не оставалось, как подчиниться. Как только девушка вышла из сарайчика, Горд кинулся в угол и схватил существо за шкуру:

– Подслушиваешь и подсматриваешь?! Сдохнуть хочешь?! Кто послал?!

– Я неть! Я есть! Никто не посылал! – плаксиво заверещало создание. – Свет, магия! Вкусно!

Горд с издёвкой хмыкнул:

– Ну, раз живот платой уже набил, пора и поработать! В бане полный бак воды сделай, и в доме тоже. Да смотри, чтобы чистая была! – и вышвырнул мелочь из сарайчика на улицу.

Тот тёмной дымкой метнулся в сторону и исчез. Через пару минут до ушей Горда донеслось поражённое восклицание Даши, обнаружившей, что в бане есть вода. Он опять ухмыльнулся, испытывая странное удовольствие, будто это он собственными руками наполнил бак.

Пока она мылась, Горд наблюдал за Митей, и всё сильнее в его сознании зудела мысль: мальчишка отлично подошёл бы на роль короля, способного объединить Пустошь и людей.

Митя, несмотря на тёмный дар, уже в этом нежном возрасте демонстрировал снисходительное и бережное отношение ко всему, что его окружало. Как жаль, что он не королевских кровей! А его недуг... Горд был уверен — его можно победить.

Даша искупалась быстро. Что-то мурлыкая себе под нос, зашла в дом, и моментально оттуда на всю округу разнёсся женский визг и грохот. Горд и Митя, не сговариваясь, рванули на помощь.

Глава 6

Девушка стояла на стуле и тыкала пальцем на опрокинутый вверх дном чугунный горшок.

– Там крыса! Крыса!

Словно в подтверждение её слов, горшок шевельнулся и немного прополз, размазывая по полу остатки каши. Новое пронзительное «а-а-а!» вылетело у Даши.

Гордизловчился и выдернул из-под горшка возмутителя спокойствия. Им оказалось то самое существо, которому он давал задание.

– Это злобыш, – продемонстрировал его Даше, – не крыса.

Девушка с облегчением вздохнула и спустилась со стула. Смущённо хохотнула над своей реакцией, поправив на голове скрученный из полотенца тюрбан.

– Я съесть, чтобы налить вода... – оправдываясь, еле слышно прошипел злобыш, понимая, что ему сейчас влетит. Только тут Горд увидел, что во всех сосудах плескалась прозрачная жидкость: в кастрюлях, сковородках, бокалах. Пожалуй, он сам виноват, потому что не уточнил, что следует наливать только в вёдра, и малявка с перепугу взялась наполнять всё, что, по её мнению, подходило для этих целей.

– Какой странный кот... – пробормотала Даша и погладила создание и проворковала: – Бедненький! Проголодался, наверное?

Горд шумно поперхнулся воздухом: где она тут коту увидела?! Крыс, значит, боится, а со злобышем воркует?! Удивительная...

Но девушка на его скептически выгнутой бровь и мускулом не дрогнула: это он ещё китайскую хохлатую собаку не видел! А это? Глаза большие, ушки, носик, пушистая шкурка – ну, явно кот!

Существо, быстро смекнув, что Чёрный Всадник не спешит его развоплощать и медлит благодаря странной человеческой женщине, соорудил самую жалобную из возможных мордашку и плаксиво выдал:

– Миу...

– О-о! Милашка! – растаяла Даша. – Горд, ты посмотри, какой он славный! Митя, что скажешь? Оставим несчастного котика себе?

Мальчик, до этого с удивлением взиравший на Горда и поражённый, что мать его несколько не боится, посмотрел на создание. Оно протянуло к мальчику лапки-ручки и вновь повторило протяжное, жалобное мяуканье. Мите стало жалко малыша, от которого он не чувствовал опасности, и он кивнул Даше, хотя тоже понимал, что это не котик. Но раз маме так спокойнее, то пусть.

Даша взяла злобыша из рук Горда и передала его мальчику:

– Как назовёшь?

Митя секунду-другую поразмыслил и уверенно выдал:

– Бува.

Злобыш благодарно заурчал, прижавшись к молодому тёмному магу и признав в нём хозяина. Шкурка на его спине заискрилась, и он весь словно налился цветом, приняв устойчивую форму. Даша пожала плечами: Бува так Бува. В конце концов, пока неясно, мальчик это или девочка. Но имя подойдёт и ему, и ей.

Горд закатил глаза к потолку и демонстративно поцокал языком, показав Даше, что это весьма плохая затея. Но девушка проигнорировала его, отправила мальчика играть с новым другом во двор и удручённо оглядела сотворённый Бувой хаос: крупы и специи лежали в одной куче, а вместо них в горшочках плескалась вода. Сейчас она почти готова была признать, что малыш – точно не кот. Но, не желая видеть на лице Горда насмешку, из вредности мысленно продолжала убеждать и саму себя: кошак, обычный кошак, ничего странного для магического мира. Наверное.

– Нашим запасам конец, – уныло сокрушалась, когда поняла, что рассортировать кучу малу не представляется возможным.

– Кстати, забыл тебе отдать, – пробормотал Горд и выложил на стол звякнувший мешочек: именно из-за него Горд возвращался к месту расправы над Дьюком сегодня ночью, рассудив, что Даше монеты пригодятся. Труп Дьюка, как и его коня, там не было: наверняка постарались лесные звери или твари Пустоши. Зато вещички наёмника их не заинте-

ресовали, и Горду удалось отыскать какую-никакую, но всё же ценность – монеты мерзавца.

С помощью воспоминаний Дарины Даша моментально опознала в нём кошель Дьюка. Стараясь не обращать внимания на бурые пятна, развязала тесёмку и высыпала содержимое на стол. Серебрушки, медяшки и ни одной золотой монеты. Хотя Даша отлично помнила, что Дарина поверенному за документы на Митю отдала именно золотые. Интересно, сколько будет стоить дубликат?

– Что-то не так? – напрягся Горд, заметив её кислое лицо.

Девушка не стала скрывать причину расстройства, и Горд призадумался: старуха что-то вякала про то, что документы на мальчика остались у мачехи. Может быть, ему удастся вернуть их? Тогда и платить никому ничего не пришлось бы...

– Я сейчас быстро наведу порядок, приготовлю пробную партию майонеза и попробую продать в таверне, – наигранно бодро сообщила она, хлопнув в ладоши. – В огороде растёт очень интересный куст с ягодами... Думаю, они достаточно кислые, и их сок можно будет использовать вместо лимонного.

Она захлопотала по хозяйству, и Горд отступил в тень, исчез, воспользовавшись этим временем, чтобы поразмышлять о возвращении документов, о миссии, о Даше и о Мите. Что-то настойчиво подсказывало, что им втроем не место в деревне и нужно уезжать.

Что это? Возможно, само желание Его? Кто знает, кто знает... В последнее время Горд Его не слышал. Вероятно, Он зол, что Всадник медлит. А может быть, всё идёт по Его плану... Мышление и планы Создателя Горду были недоступны.

Хорошо, предположим, они уедут. Но куда? Даша не зря переживает о себе: за Пустошью женский род не особо ценен. Ей нужен муж или опекун. При мысли о том, что у неё появится мужчина, в Горде отчего-то бунтовала тьма, и он с магией был солидарен: эту девушку он никому не отдаст. Вернуть бы тело...

А что? Даша, как светлый маг, легко смогла бы вынуть из Махонада клинок: обсидиан для неё не страшен. Но уехать?..

Он знал одно местечко. Поселение тех, кому в королевствах не нашлось приюта. Отребье и отщепенцы. За Дашей там нужен будет глаз да глаз. К тому же располагалось оно на Пустоши... Поедет ли?.. Не побоится?.. На все эти вопросы ответов пока не находилось.

** *

Даша быстро управилась с уборкой, но долго провозилась с майонезом: ягоды хоть и были похожи на крохотные лимончики, но пришлось помудрить с подбором пропорций. Зато потом она, довольная собой, попросив Горда присмотреть за Митей, отложила пробную партию в плошку, взяла монеты и отправилась в таверну.

Встречные односельчане косились на неё и старались пе-

рейти на другую сторону дороги, демонстрируя странную недоброжелательность. Сперва девушка подумала, что это из-за Дюка, и не придавала значения. Но после, когда таверщик, заприметив её, даже на порог не пустил, Даша поняла, что дело не обошлось без старосты и свекрухи.

Грозно хмуря мохнатые брови, мужчина разговаривал с ней на улицетаким тоном, будто она пришла милостыню просить, а не предложила новый рецепт.

– Это что? На вид сметана... – сморщил он нос.

– А вы попробуйте, – стараясь не скрежетать зубами от злости, нежным голоском пропела девушка, насилу удерживая на лице доброжелательное выражение. – Это соус! Очень модный в столице...

– Прокисшая сметана, – фыркнул мужчина, макнув в майонез мизинец и облизав его. А после, для убедительности, смачно сплюнул в дорожную пыль. – Мерзость!

Это он адресовал проходящему мимо старичку. Даша даже не поняла, с какой стороны улыбчивый дядечка материализовался возле них.

– Ну, знаете ли! – возмутилась девушка, когда трактирщик вновь потянулся к плошке, ловко выдернула её из-под его руки и съехидничала: – Вам же не понравилось!

Он опять скривился и убрал руку:

– Шла бы ты отсель! Покупать у тебя ничего не буду!

– А я б, пожалуй, взял... Вкус странный, но не сметана – точно, – прочавкал дед. И Даша охнула: когда успел залезть

в плоску грязной лапищей?! – Только у меня монетов нету.

Девушка хотела было высказать ненормальному старику всё, что о нём думает, но его взгляд лучился добротой и лукавством, потому она смогла только укоризненно покачать головой. Отвернувшись от деда, всё же обратилась к трактирщику:

– Я бы хотела купить крупы и масла. Войти-то можно? Или обслужите на пороге?

Трактирщик смачно хыркнув, сплюнул ей под ноги:

– Обслуживать ты скоро будешь вампиров и солдафонов, когда твоего муженька прибьют. Пошла отсюда! – и замахнулся на неё.

Даша шарахнулась в сторону, поняв, что тот её ударит и глазом не моргнёт. Мужик удовлетворённо хмыкнул и скрылся в таверне. Девушка, задрожав от обиды и не надеясь на помощь, развернулась было уходить, да чуть не подпрыгнула от испуга, когда странный дед вновь оказался возле неё.

Заглядывая ей в лицо, вкрадчиво лебезил:

– Монетов нету, но есть крупа и масло. Ещё орехи, мука и мёд. Так что, девонька? Меняешь?

По земной привычке с расстройства чуть было не послав его куда подальше, Даша вовремя себя успела одёрнуть: а ведь старик ей как во спасение послан!

– Меняю! – поспешно согласилась. – Только у меня мало совсем...

– Не волнуйся, – хитро прищурился дед. – И у меня при-

пасов немного. Но нам обоим хватит, – и пошагал куда-то по улочке.

Девушке ничего не оставалось, как последовать за ним. В душе завозились опасения, что всё обычно именно так и происходит: расположивший к себе пособник увлекает наивную жертву в глухое место, а там его дружки быстренько обдирают несчастного до нитки... Но Даша быстро усмирила фантазию: что у неё брать-то? Три медяшки да лохмотья, громко называемые платьем?

С другой стороны, ей было неизвестно, как обстояли дела в деревне. Возможно, для кого-то и эти жалкие гроши – богатство. И Даша пожалела, что попросила Горда остаться в доме. Побыл бы с ней незримо, хотя бы не было так жутко.

Старик, словно услышав её мысли, обернулся и ухмыльнулся девушке. Она не успела понять, несла ли эта улыбка угрозу. По спине Даши с новой силой забегали мурашки и захотелось тут же домой, но ноги будто сами несли её за странным дедом.

Его покосившаяся и вросшая в землю ветхая лачуга располагалась за околицей. С дороги было и незаметно, что среди буйной поросли кто-то живёт. Однако у деда там имелись маленькие огородик и пасека.

Небо заволакивало тучами, хмурилось всё сильнее, и теперь Даша обеспокоилась тем, чтобы не попасть под дождь. Старик забрал у неё плошку с майонезом, пошёл в дом, а её оставил на улице. Чему она несколько не огорчилась.

Стоило ей присесть на лавочку возле стола под навесом, как из кустов вышел чёрный пёс. Лохматая дворняга, сверкая алыми всполохами в глазах, остановилась и уставилась на Дарью. Девушке почудилось, будто тело животного окутывает еле заметный тёмный муар, и ей окончательно стало не по себе. Но стараясь храбриться, она приветливо улыбнулась собаке и похлопала себя по бедру, подзывая к себе:

– Пёсик, иди сюда, хороший мальчик!

Собака склонила голову набок, будто раздумывая, подходить или нет. Однако, потоптавшись на месте пару минут, дёрнула хвостом в дружелюбном жесте, подошла и уткнулась лбом Даше в колени, позволяя погладить себя. И девушка его не разочаровала: почесала за ухом, ласково воркуя.

– Гляди-ка, стоило только отвернуться, а она уже моего пса сманивает, – проворчал старик, в руках вместо плошки с майонезом он держал мешочки и горшочек. Нахмурился на собаку: – Иди-иди, нет для тебя работы пока!

Пёс огрызнулся тихим рыком и скрылся в тех же кустах, из которых появился. Старик насмешливо фыркнул ему вслед, разложил поклажу на стол и принялся развязывать-открывать, демонстрируя Даше содержимое:

– Вот мука, крупа, вот тут орехи... масло, мёд...

Девушка кивала, подавив разочарование: всего было по чуть-чуть, на раз сготовить... Но и она ведь ему майонеза дала не бидон... Так что хоть что-то.

Искренне поблагодарив старика, Даша заторопилась до-

мой.

— Новому помощнику прикажи, и из немного станет столько, сколько нужно! — загадочно напутствовал он, когда она уже повернула по тропинке к деревне.

Возвращаться и спрашивать, что он имел в виду, девушка не стала: странный дед, и собака у него странная.

** *

Горд ночью, когда Даша с Митей уснули, решил наведаться в лесничество, к её мачехе. Злобышу приказал пополнить запасы воды и провизии, что принесла девушка: нечего просто так на шее висеть, пусть работает, раз уж решил к его семейству прибиться.

Бува и усом в ответ не дрогнул, приняв приказ к исполнению: уж больно хороши ему показались и каша, и медовый пирог с ягодами! За это он готов был сотворить всё мешками, но Горд умерил пыл малыша, памятуя о происшествии с водой, велел пополнить горшки и мешочки в прежнем объёме.

Путь до домика занял гораздо меньше времени, чем до того места, где он прикончил наёмника. Хотя, может быть, всё дело в магии Даши, которая днём напитала его и кулон.

Нервишки мачехи были не в пример слабее, чем у Даши, и ему хватилоневидимости и грозного завывания, чтобы она вынула из тайника бумаги, швырнула их на пол, да как была, в длинной ночной рубашке, с визгами удрала из домика

в лес. Что с нею случилось, Горда не волновало: ночная чащоба полна хищников и тварей, расползшихся из Пустоши, а вопящая женщина во тьме – точно приглашение к трапезе.

Он вернулся в деревню, оставил бумаги на столе и не отказал себе в удовольствии скользнуть к девушке под бочок. Хоть в подпитке и не нуждался. Ему просто было приятно обнимать её, ласкать, и он ничего не мог с собой поделать: к Даше его тянуло будто магнитом.

Горд сдерживался как мог, чтобы не потревожить её сон, но Даша проснулась, замурлыкала и завозилась, удобнее устраиваясь в его объятиях. Он ответил низким грудным урчанием, покрыл её шею поцелуями, испытывая жалящее томление духа, нарастающее от ласк, и ничто не могло удовлетворить эту жажду. Его тьме было мало, и она алчно требовала взять себе всё, до последней капли.

Почувяв, что Митя тревожно зашевелился, а устроившийся в его ногах Бува поднял голову, с бесстыдным любопытством наблюдая за ними. Даша смутилась и тихо шепнула Горду:

– Пойдём во двор?

Тот не сопротивлялся. Держа Дашу за руку, помог выйти и спуститься по ступеням: в отличие от него, девушка ничего не видела в темноте. Сел на крыльцо и усадил Дашу на колени. Впился в её губы жгучим поцелуем, заглушив наигранный вздох возмущения. Заскользил ладонями по телу, с наслаждением чувствуя, как она дрожит и выгибается под его

руками. Она в ответ обхватила его шею, крепче прижимаясь к нему.

Они так увлеклись ласками, что не обратили внимания на тихий скрип калитки, ведущий на скотный закуток двора, списав это на ветер. А когда что-то холодное коснулось плеча Даши, она дёрнулась, обернулась и неловко взмахнула рукой, решив, что это какое-то насекомое.

С её пальцев сорвался крохотный светящийся шарик, и девушка вскрикнула от неожиданности. Магический светлячок почти сразу погас, но успел выхватить из ночной темноты то, из-за чего она уже заорала всерьёз.

Горд моментально вскочил на ноги и выбросил вперёд жгуты тьмы, а Даша, не прекращая голосить, затрясла ладонями, пытаясь вновь зажечь магический шар. С перепугу у неё сразу получилось, и она замолчала, в ужасе глядя перед собой.

– Зомби... – просипела не своим голосом, не отводя глаз и ощущая, как кровь в её жилах, буквально только что пылавшая от желания, леденеет от зрелища.

Прямо возле крыльца, шипя, скаля и щёлкая желтоватыми зубами, стоял Дюк. И у девушки даже не возникло сомнений, что он давно мёртв: покрытые белёсой поволокой, глаза невидяще таращились; пропитанные кровью лохмотья широкими прорезами демонстрировали рассечённую местами до костей плоть, источавшую омерзительный запах гниения.

Горд не знал, кто такие «зомби», но вот с умертвиями, в которое обратился Дьюк, был прекрасно знаком. В отличие от упырей и вурдалаков, это самые безмозглые порождения тьмы Пустоши существовали, чтобы убивать и сеять заразу, которой пропитались сами.

Видимо, слишком сильна была в наёмнике страсть к убийству, раз тьма нашла лазейку в его сознание, вырвав перед смертью желание и исполнив его. И, что хуже всего, это касалось Даши — не зря же умертвие вернулось в деревню и нашло способ пробраться во двор...

Горд крепче опутал мертвяка силой, не позволяя ему даже дёрнуться в сторону девушки. Та, привыкнув к тошнотворному виду бывшего мужа, взяла себя в руки и рассматривала его, хмурая бровки.

– Чтобы его упокоить, следует отрубить голову? – задала вопрос, отчего Горд хмыкнул: ему понравилось, что девушка быстро пришла в себя и начала решать, как покончить со злом.

– Это его остановит только до наступления следующей ночи. Умертвия следует сжигать до состояния пепла, – ответил он.

– У нас не хватит дров, – вздохнула Даша. – К тому же костёр подобной величины наверняка привлечёт внимание соседей...

Горд хотел было сказать, что Даша, как светлый маг, вполне может развеять Дьюка силой своего света, но внезапно

подумал, что сложившаяся ситуация ему только на руку: у девушки нет больше причин, чтобы оставаться в деревне, и он теперь запросто уговорит её уехать с ним. В унисон его мыслям Даша простонала, сжав голову ладонями:

– Нам с Митей коне-ец!.. Староста и так точит на нас огромный зуб, а тут ещё и это... Мне ни за что не доказать, что это не я убила Дьюка! И нас с Митей завтра же вздёрнут на площади...

– Собирай ребёнка, мы уезжаем, – подавив торжество в голосе, распорядился Горд.

– Бежать? Но куда?! – всполошилась девушка.

– Есть одно место. Там вам будет уж всяко лучше, чем здесь, – откликнулся он.

Подвёл мертвяка к собачьей будке, где с оторванной головой лежал старый пёс: Дьюк, судя по всему, прежде чем подойти к дому, успел истребить всю имевшуюся в хозяйстве живность. Горд снял с собаки ошейник и стянул им горло Дьюка, посадив умертвие на цепь. Распахнул настежь ворота и пронзительно свистнул, призвав Ужаса и своего коня.

Они явились, когда Даша, уже полностью одетая, вынесла из дома последний узел и вывела за руку сонно потирающего глаза мальчика. Опешила от вида въезжающего во двор Чёрного Всадника и прошептала:

– Ужас...

Горд чуть со смеху не покатылся, когда тот дёрнулся при звуке своего имени: вот как она это делает? Его откровенно

радовало, что не он один пал жертвой удивительной прозорливости девушки. Брат недовольно посмотрел на Горда, полагая, что тот сказал его имя Даше, но Горд лишь передёрнул плечами: зачем бы ему?

Вид испуганно вздрогнувшего Ужаса он любовно запечатлел и сохранил в сознании, чтобы вспоминать в пасмурные дни.

Кони втянули ноздрями воздух, подались мордами к девушке, находя её весьма аппетитной, и Горд, прилаживая узлы и котомки к сёдлам, мимоходом шлёпнул каждого по морде, чтобы не думали разевать пасть на то, что им не принадлежит.

– Пусть Митя едет с тобой, – прошептала Даша, боязливо косясь на Ужаса, когда Горд хотел помочь ей взобраться на коня.

Нехотя он подчинился, ревниво сверкнув глазами на брата, но когда до него дошло, что она вверила ему самое ценное, горделиво расправил плечи и помог усесться перед Ужасом. После взлетел на свою лошадь и за шкуру, как котёнка, поднял лёгкого мальчишку. Злобыш запрыгнул к нему сам.

Один за другим Чёрные Всадники степенно выехали со двора. Заметив, что Митя пытался что-то сказать Дьюку, с хрипом натянувшего цепь в попытке до них добраться, придержал лошадь. Пару секунд изо рта мальчика, словно горох, сыпались только глухие звуки. Затем он несколько раз вздохнул и, будто сломав в себе какую-то плотину, выпалил

в лицо скалящемуся умертвию:

— Ты больше не посмеешь обидеть меня и маму! Теперь ты именно то, чем был всегда! — похыркав носоглоткой, набрал слюны, плюнул в мёртвого отчима и гораздо тише, будто сдувшись, добавил: — Просто кусок протухшего мяса... Едем, дядя Горд, не будем заставлять маму волноваться.

Всадник хмыкнул и тронул поводья. Впервые Митя произнёс такую длинную речь и ни разу не запнулся. Отчего-то Горд был уверен, что недуг больше не вернётся к нему: мальчик победил свой страх.

С залихватским посвистом Чёрные Всадники пустились по деревенской улочке вскачь, увозя девушку и мальчика.

А наутро соседи, разбуженные шумом и наблюдавшие за ними из-за занавесок, станут говорить, что-де, Пустошь прислала за Дарькой своих Генералов, чтобы те уволокли её и мальчика за грехи их тяжкие и тёмные.

Судачить, впрочем, они будут недолго. Потому что самые любопытные обнаружат посаженного на цепь Дюка и с глупости, решив его освободить, попадутся ему на зуб.

Покусанные изрубят умертвие на куски, закопают да на том успокоятся. Только к вечеру занемогут сами, а к ночи помрут. Чтобы после, когда вся деревня уснёт, восстать вместе с Дюком и покончить с жалкой деревушкой, не оставив там ни единого живого, только мёртвых.

Через пару дней по королевскому указу в селение придут вампиры. Они сгонят всех бродячих мертвецов в самый

большой дом, которым являлась таверна, и подожгут. В том пламене будут все: и Дюк, и свекровь, злобный староста и таверщик, отказавшийся продать девушке горсть крупы.

Не будет только странного смешливого деда. Он, стоя за околицей, поглаживая бороду и усы, посмеиваясь, полюбуется, как от таверны, одним за другим вспыхивают дома, и вся деревня, ярко пылая, сгинет в пожаре. Поправив на плече котомку, свистнет чёрного пса и, опираясь на кривую палку, побредёт в ту же сторону, куда ускакали Чёрные Всадники.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.